Эра титанов

Автор:
А. Риддл

Эра титанов

А. Дж. Риддл

Цивилизация зеро (Эксмо)

Ноябрь 2015 года. Авиарейс 305, следующий из Нью-Йорка в Лондон, на подлете к пункту назначения потерпел катастрофу и рухнул на землю. При падении самолет буквально разорвало пополам, но части пассажиров удалось выжить. Придя в себя, выжившие постепенно осознали, что мир вокруг сильно отличается от привычного. Безусловно, это Англия… и в то же время не та Англия, которую они знали. В какое время их занесло? В какое пространство? И смогут ли они вернуться назад? В поисках ответов на эти вопросы один из пассажиров самолета случайно узнает из обрывков чужого разговора, что двое его собратьев по несчастью знают гораздо больше, чем он. Знают, что катастрофа произошла не случайно. Знают, где они. А главное, зачем…

А. Дж. Риддл

Эра титанов

Посвящается тем, кто достаточно упрям, чтобы мечтать

A.G. Riddle

Departure

© 2014 by A.G. Riddle

© Гольдич В.А., Оганесова И.А., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Часть I

Пережившие катастрофу

Глава 1

Харпер

Наш самолет должен был приземлиться через час, и мне предстояло принять РЕШЕНИЕ, о котором я, возможно, жалела бы до конца своего земного существования. В зависимости от того, как все пройдет, в моей жизни могли наступить хаос и нищета или истинное, абсолютное блаженство. Пятьдесят на пятьдесят. Я не боялась РЕШЕНИЯ, по большей части даже не думала о нем.

Как и большинство писателей, я не слишком часто выхожу из дома. И платят мне не так чтобы много. Летаю я обычно экономклассом и в девяти случаях из десяти оказываюсь зажатой между каким-нибудь больным типом, кашляющим, когда я меньше всего этого ожидаю, и женатым мужиком, который обязательно спрашивает: «Как получилось, что такая симпатичная малышка еще не замужем?» Я подозреваю, что на всех авиалиниях напротив моей фамилии стоит специальная пометка: «Никогда не жалуется, сажать на самое плохое место».

Впрочем, в этом рейсе все было иначе.

Примерно шесть часов назад я ступила в сказочный мир – место, которое существует короткое время на высоте сорок тысяч футов над землей, – первый класс на международном рейсе. Эта наполненная блаженством страна, которая возникает и пропадает, точно параллельная вселенная, имеет свои диковинные обычаи и ритуалы. Я погрузилась в нее, впитывая каждое мгновение и зная, что, скорее всего, больше никогда ее не увижу. Билет наверняка стоил столько же, сколько два месяца проживания в моей микроскопической квартирке в Лондоне. Я бы предпочла взять деньгами, но билет был подарком – точнее, попыткой манипуляции со стороны миллиардера, который представил нам РЕШЕНИЕ во время нашей встречи в Нью-Йорке. Но я решила, что не должна пока об этом думать.

Полет из Нью-Йорка в Лондон занимает чуть меньше семи часов. Каждые пятнадцать минут я включала экран, чтобы проверить, где находится самолет, мечтая о том, чтобы он продолжал лететь до тех пор, пока у нас не закончится топливо. Может быть, мне удалось бы передать стюардессе записку: «Если самолет опустится ниже сорока тысяч футов, он взорвется».

– Эй, кого мне нужно прикончить, чтобы получить выпивку? И что происходит с Интернетом? – послышался поблизости раздраженный голос.

Проблемы в раю. Насколько я поняла, в первом классе было только два недовольных пассажира, которые сидели в десятом ряду. Я называю это «очагом смуты». Иными словами, средоточие ехидных замечаний и мрачных мыслей. Все остальные, примерно человек тридцать, с того самого момента, как самолет поднялся в воздух, начали пить и обмениваться язвительными замечаниями, устроив настоящее соревнование. Я знала одного из них – того, кто требовал выпивку, – и мне было известно, что его терзало, потому что я сама в этом участвовала. Его звали Грейсон Шоу, и я изо всех сил старалась его избегать.

– Эй, я к вам обращаюсь! – завопил Грейсон.

Худая темноволосая стюардесса по имени Джиллиан высунулась из кухонного отсека и слабо улыбнулась:

– Сэр, капитан только что включил надпись «Пристегнуть ремни безопасности» и временно запретил нам подавать спиртное…

– Ради всех святых, просто бросьте мне две маленькие бутылочки! Нас разделяет восемь футов, – потребовал Шоу.

– Не обращайте на него внимания, Джиллиан, – вмешался другой пассажир, тоже весьма мрачного вида. – Две маленькие бутылочки не решат его проблему.

– Спасибо, случайный попутчик на месте 2А, ваше заявление производит потрясающее впечатление своей мудростью! – просияла стюардесса.

Грейсон подскочил на месте, когда очередная волна турбулентности качнула самолет: его толкнуло вперед, и я почувствовала, как он ухватился за подголовник моего кресла. Длинные светлые волосы упали ему на лицо, скрыв его от меня, за что я была невероятно признательна судьбе. Он остановился перед моим местом в первом ряду, совсем рядом с входом на кухню.

– Ладно, какие проблемы, я же не прошу ничего особенного, – продолжил он добиваться своего. – В вашу обязанность входит обеспечивать пассажиров коктейлями во время полета, так что давайте бутылки!

Натянутая улыбка Джиллиан растаяла, и она потянулась за чем-то, но в этот момент зазвонил телефон, и она схватила трубку.

Шоу потер виски и отвернулся – и встретился со мной глазами.

– Ты… Господи, полет становится все хуже и хуже!

Он уже собрался на меня наброситься, но тут в неприятной близости от него оказался тот самый заступившийся за стюардессу мрачный пассажир, очень симпатичный, с коротко подстриженными темными волосами, худым лицом и жесткими глазами.

Грейсон секунду смотрел на него, потом склонил голову набок:

– Я могу вам как-то помочь?

– На самом деле я подошел, чтобы помочь вам, – отозвался темноволосый мужчина.

Обычно подобные выступления в стиле мачо не производили на меня впечатления, но, должна признаться, мне понравился герой с места 2А.

Самолет снова тряхнуло – а потом вдруг раздался оглушительный грохот, и время словно бы замедлило свой бег. Два мрачных парня оказались на полу у моих ног. Они катались, сцепившись друг с другом, – возможно, дрались, но уверенности в этом у меня не было.

А потом разразился настоящий хаос. По проходу забегали стюардессы, которые подбирали упавшие вещи и кричали, чтобы пассажиры сели на свои места и пристегнули ремни. Кто-то заговорил по системе громкой связи, но слов я разобрать не смогла.

В следующее мгновение у меня над головой открылись дверцы и перед носом повисла кислородная маска – круглая желтая штука из пластмассы с плоским дном. Она раскачивалась на прозрачной пластиковой трубке, совсем как болтающаяся пиньята[1 - Мексиканская по происхождению полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги, с орнаментом и украшениями. Своей формой воспроизводит фигурки животных или геометрические фигуры, которые наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей.], и я не могла до нее дотянуться.

Грейсон исчез: куда – я не знаю, но мне было без разницы. Парень, бросивший ему вызов, поднялся на ноги, чтобы удержать равновесие, ухватился за стену и посмотрел в конец самолета, переводя взгляд справа налево, словно что-то высчитывая. Наконец он плюхнулся на сиденье рядом со мной, пристегнул ремень безопасности и повернулся ко мне:

– Привет.

– Привет, – ответила я, совсем не уверенная в том, что он услышал мой голос в царившем в самолете шуме и грохоте.

– Вы меня слышите? – спросил мужчина чуть громче.

По какой-то необъяснимой причине его голос с американским акцентом звучал четко и ясно, являя собой резкий контраст с разразившимся вокруг адом. Мы с ним как будто оказались внутри воздушного шара, в то время как мир вокруг нас начал разваливаться на части, а время стремительно ускорило свой бег.

– Да, – ответила я, наконец услышав свой голос – но так, словно он звучал откуда-то издалека.

– Пристегнитесь и опустите голову, чтобы она оказалась между коленями. Обхватите пальцами затылок и не смотрите наверх, – велел мне мой новый сосед.

– Почему?

– Я думаю, мы сейчас упадем.

Глава 2

Ник

Я жив, но бывали времена, когда я чувствовал себя гораздо лучше.

У меня болел каждый дюйм тела. Легкое опьянение исчезло, и ему на смену пришла пульсирующая головная боль, которая сосредоточилась в районе таза, потому что перед самым падением я как можно ниже спустил ремень, чтобы защитить внутренние органы. У меня получилось, но теперь за это приходилось платить. Я начал расстегивать ремень, но уже в следующее мгновение остановился, сообразив, что вокруг царит невероятная тишина.

Свет погас, и только сияние луны проливалось внутрь сквозь иллюминаторы. Я почти не слышал стонов, а ведь на борту 777-го «Боинга», когда он стартовал из аэропорта имени Дж. Ф. Кеннеди, находилось около двухсот пятидесяти человек, и, если хотя бы часть из них выжила, я слышал бы голоса и, возможно, крики и жалобы. Относительная тишина была очень плохим знаком.

Я решил, что с головой у меня всё в порядке и что я могу двигаться. Возможно, я был одним из немногих, кто пострадал не слишком сильно, а значит, должен был помочь другим. Впервые с тех пор, как себя помню, я чувствовал себя почти нормально, и меня переполняла решимость действовать. Я ощущал себя живым.

Женщина, сидевшая рядом со мной, не шевелилась. Она сгорбилась, опустив голову между коленями и сжав ее руками, как я ей посоветовал.

– Эй! – позвал я ее, и собственный голос показался мне слишком хриплым.

Пассажирка не реагировала.

Я протянул руку и убрал с ее лица светлые волосы. Она слегка повернулась, посмотрела на меня одним заплывшим глазом и медленно выпрямилась, так что я смог разглядеть ее лицо с тонкими чертами. Второй глаз женщины тоже заплыл, и еще один большой синяк шел через все ее лицо от виска к подбородку.

– Вы как? – спросил я ее.

Она кивнула и с трудом сглотнула:

– Думаю, ничего…

Что дальше? Нужно проверить, как у нее с головой.

– Как вас зовут? – задал я следующий вопрос.

– Харпер. Харпер Лейн.

– Когда вы родились, Харпер?

– Одиннадцатого декабря. – Женщина мимолетно улыбнулась и не стала называть год своего рождения.

Пожалуй, серьезно она не пострадала. По моим прикидкам, ей было около тридцати. Очевидно, англичанка – это я сообразил только теперь. Видимо,

возвращалась домой, в Лондон.

– Оставайтесь здесь, я скоро вернусь, – сказал я ей, собираясь встать.

Итак, пришло время проверки собственного состояния. Я расстегнул ремень, поднялся на ноги – и тут же налетел на стену. Самолет упал носом вниз под углом примерно тридцать градусов, слегка наклонившись налево. Я прислонился к переборке, дожидаясь, когда отступит охватившая меня боль.

Повернув голову, я впервые после катастрофы посмотрел вдоль прохода и замер от потрясения.

Самолет исчез почти целиком: остались только каюты первого и бизнес-класса, сразу за которыми в образовавшуюся дыру проникли сплетенные ветки дерева. Вокруг, на фоне темного леса, тут и там возникали электрические вспышки.

Большинство пассажиров находились в эконом-классе, который куда-то подевался, – вместо него я видел только деревья и застывший темный лес. Я подумал, что другая часть самолета вполне могла оказаться в сотне миль отсюда. Или она развалилась на миллион кусков. Меня удивило, что с нами не произошло ничего подобного.

С противоположной стороны доносился ритмичный стук. Спотыкаясь, я на ощупь добрался до переборки, отделявшей первый класс от кухни, и увидел стюардессу по имени Джиллиан, которая колотила в дверь кабины пилота.

– Они не хотят выходить, – сказала она, увидев меня.

Прежде чем я успел что-то ответить, стюардесса вернулась к стене и схватила телефон. Секунду она прижимала трубку к уху, а потом сердито отшвырнула ее в сторону:

– Не работает!

Я решил, что у нее шок. Итак, что нужно сделать в первую очередь? Я оглянулся назад, на искры, которые разгуливали по изуродованной металлической поверхности, а потом снова повернулся к стюардессе.

– Джиллиан, нам следует опасаться пожара?

– Пожара? – переспросила та.

– Да. В этом отделении есть топливо? – Мне мой вопрос показался вполне разумным, но, кто знает, как он выглядел на самом деле?

Женщина посмотрела мимо меня, явно не понимая, чего я от нее хотел.

– Пожара не должно быть, – сказала она затем. – Капитан сбросил топливо. Или я подумала…

Мужчина среднего возраста, сидевший в первом классе, вдруг поднял голову:

– Пожар?

И все вокруг него начали тихонько повторять это страшное слово.

– Где мы находимся? – задал я еще один вполне логичный вопрос.

Джиллиан молча уставилась на меня, и вместо нее ответила Харпер:

– Мы летели над Англией.

Я встретился с ней глазами, и она объяснила:

– Я… следила за полетом по монитору.

Это была первая хорошая новость, которую я услышал, но мне не пришлось долго над нею размышлять, потому что слово «пожар» наконец добралось до человека, которому его слышать не следовало.

– Пожар! Нужно выбираться! – завопил кто-то, и все начали вставать с мест.

Охваченная паникой группа из двадцати человек столпилась на очень узком пространстве. Нескольким пассажирам удалось вырваться вперед, и они

помчались к дыре с рваными краями в хвосте самолета, но тут же отступили, не решаясь спрыгнуть вниз.

Крики «Мы в ловушке!» и «Пожар!» раздавались со всех сторон, и ситуация начала накаляться, быстро превращаясь в настоящий кошмар. Седая женщина в деловом костюме оступилась и упала, но остальные, не останавливаясь и топча ее, помчались вперед к тому месту, где, потеряв дар речи, стояли мы с Джиллиан. Пронзительные крики свалившейся на пол женщины не произвели ни на кого ни малейшего впечатления.

Они мчались прямо на нас.

Глава 3

Ник

Приближающаяся толпа привела Джиллиан в чувство, и она расставила руки, призывая всех прекратить панику. Но голос ей не подчинялся, и я едва мог расслышать его за криками толпы.

Я встал в проход перед ней и заговорил громче и четче, чем сам ожидал:

– Остановитесь. Люди, остановитесь, вы причиняете боль женщине. Послушайте. Нет. Никакого. Пожара. – Я произносил каждое слово медленнее и увереннее, чем предыдущее, стараясь заставить всех успокоиться. – Вы меня понимаете? Пожара нет. Вам ничто не угрожает. Расслабьтесь.

Оставшиеся в живых пассажиры еще немного потолкались, но в конце концов успокоились. Все смотрели на меня.

– Где мы?! – выкрикнула какая-то женщина.

– В Англии.

Мой ответ промчался по толпе: его передавали приглушенными голосами, словно это был секрет.

Джиллиан вышла из-за моей спины и ухватилась за спинку кресла, чтобы не упасть.

Выжившие пассажиры вдруг заговорили все одновременно, выкрикивая обращенные ко мне вопросы, точно представители прессы на брифинге в Белом доме.

– Скоро прибудет помощь, – удивив самого себя, сказал я. – Сейчас самое главное – сохранять спокойствие. Если вы поддадитесь панике, кто-нибудь пострадает, и того, кто будет в этом виноват, ждет уголовное наказание. – Я помолчал и добавил для верности: – Средства массовой информации обязательно узнают, из-за кого после крушения самолета возникли проблемы, и – можете не сомневаться – ваши имена появятся в утренних газетах.

Угроза публичного унижения, которого до ужаса боится большинство людей, сделала свое дело. Крики стихли, и им на смену пришли полные подозрительности взгляды: все пытались понять, сдаст ли их сосед, сообщив властям, что они пытались прорваться к выходу, не обращая внимания ни на что вокруг.

– Если вы ранены, оставайтесь там, где вы сейчас находитесь, – продолжил я. – Если у вас внутренние повреждения, то худшее, что может быть в такой ситуации, – это двигаться. Вас осмотрят врачи, когда они сюда прибудут, и они же будут принимать решение, как и когда вас эвакуировать. – Мне понравилось, как прозвучали эти мои слова.

– Где капитан? – спросил вдруг тучный мужчина среднего возраста.

К счастью (или к несчастью), у меня еще не иссяк запас фальшивых заверений.

– В данный момент он на связи со спасательными службами.

Джиллиан смущенно посмотрела на меня, словно пыталась решить, что она услышала – хорошую новость или вранье. Я не знал, много ли от нее будет

пользы.

– А вы кто такой? – выкрикнул еще кто-то.

– Он такой же пассажир, как и все мы! – ответил еще один пассажир, тот самый пьяный ублюдок с места 2Д. Похоже, он, к большому моему сожалению, остался в живых и теперь уставился на меня остекленевшими глазами. – Не обращайте внимания на этого придурка!

– Конечно, я пассажир, – пожав плечами, ответил я. – Кем еще я могу быть? А теперь послушайте меня. Все, кто может ходить, покинут самолет, соблюдая порядок. Займите ближайшее к вам место и ждите, когда вас вызовут. Эта юная леди, – я кивнул в сторону Джиллиан, – откроет аварийный выход; когда она назовет ваш ряд, делайте, что она скажет. Если среди вас есть врач, пусть он подойдет ко мне немедленно.

Стюардесса открыла аварийную дверь в передней части самолета, и я услышал, как надувается трап для эвакуации пассажиров. Я встал рядом с ней и выглянул наружу. Трап зацепился за окружавшие нас деревья, но спуститься по нему было можно: нос самолета находился в нескольких футах над землей, и вся конструкция производила впечатление надежной, поскольку ее поддерживали деревья.

– Что теперь? – понизив голос, спросила Джиллиан.

– Выводите сначала людей из задних рядов, – отозвался я, решив, что таким способом удастся минимизировать опасность того, что самолет потеряет равновесие.

Через пять минут на трапе выстроилась очередь, и ситуация начала проясняться. У меня сложилось впечатление, что все пассажиры первого класса остались в живых, хотя около десяти человек не подавали признаков жизни.

Женщина лет сорока с темными волосами до плеч остановилась на пороге рядом со мной:

– Вы спрашивали про врача?

У нее был легкий намек на акцент – как мне показалось, немецкий.

– Да, – кивнул я.

– Я… у меня есть степень, но я не практикующий врач.

– Сегодня будете практикующим.

– Хорошо, – все еще с сомнением в голосе ответила пассажирка.

– Джиллиан даст вам аптечку. Я хочу, чтобы вы осмотрели оставшихся людей и определили, кому следует оказать помощь в первую очередь. Сначала те, кому угрожает непосредственная опасность, затем дети, женщины и в самом конце – мужчины.

Не говоря ни слова, доктор начала обход салона, и Джиллиан последовала за ней. Я охранял выход, стараясь следить, чтобы между людьми оставалось достаточное расстояние и они могли спокойно съехать вниз, не опасаясь ни с кем столкнуться. Наконец, я проводил последнюю пассажирку: пожилую женщину, которую чуть не затоптали. Когда ее ноги коснулись земли, ее схватил за руку и помог встать на ноги мужчина постарше, видимо, муж. Он медленно кивнул мне, и я кивнул в ответ.

Из кухонного отсека между первым и бизнес-классом до меня донеслись звон бутылок и сердитый голос: пассажир с места 2Д кого-то отчитывал.

Я подошел туда и обнаружил Харпер, на лице которой застыла маска боли. Пассажир-скандалист выставил на наклонившемся столе дюжину маленьких бутылочек, половина из которых уже опустела. Теперь этот тип отвинчивал крышку с бутылочки с джином.

– Прекратите пить! – рявкнул я на него. – Нам может понадобиться спиртное для медицинских целей.

У нас могли закончиться антисептики до того, как прибудет помощь, а спиртное – все-таки лучше, чем ничего.

– Точно. Я как раз и использую его в медицинских целях! – огрызнулся любитель выпить.

– Я не шучу. Оставьте бутылки здесь и покиньте самолет, – велел я ему.

Скандалист театральным жестом схватил телефон со шнуром.

– Давайте поаплодируем Капитану Авария! – Он изобразил рев толпы, осушил бутылочку, которую держал в руке, и вытер рот. – Вот что я тебе скажу, – заявил он заплетающимся языком, – пойдем на компромисс. Ты получишь бутылочки после того, как я с ними покончу.

Я сделал шаг в его сторону, и Харпер встала между нами. На плечо мне опустилась тяжелая рука, и это остановило меня.

Оказалось, что это доктор.

– Я закончила, – сказала она. – Вам нужно это увидеть.

Что-то в ее голосе меня насторожило. Перед тем как отвернуться, я наградил пассажира с места 2Д суровым взглядом, а потом последовал за врачом. Харпер пошла рядом с нами.

Доктор остановилась около чернокожего пассажира среднего возраста в деловом костюме. Он сидел, прислонившись к переборке, совершенно неподвижно, и на лице у него была засохшая кровь.

– Этот человек умер от удара тупым предметом, – очень тихо сказала медичка. – Он врезался головой в сиденье, которое находится перед ним, а потом в переборку. Он был надежно пристегнут, но кресла в бизнес-классе расположены ближе друг к другу, чем в первом. Когда самолет начал падать, его бросало из стороны в сторону, а затем он рухнул на землю, и первыми пострадали более слабые и высокие пассажиры. Иными словами, все, чья голова могла удариться о стоящее впереди кресло. Это одна из трех жертв. – Женщина обвела рукой салон бизнес-класса. – Четыре человека живы, но находятся без сознания. Прогнозы неутешительные. Одного категорически нельзя двигать. Трое других сильно пострадали, но, возможно, с ними все будет в порядке, если мы сможем

доставить их в больницу.

– Хорошо, спасибо, док, – кивнул я.

– Сабрина.

– Ник Стоун. – Мы пожали друг другу руки, и Джиллиан с Харпер тоже назвали свои имена.

– Я хотела вам это показать, – сказала Сабрина, – потому что существует вероятность того, что мы все получили различные травмы головы. Очень важно, чтобы те, кому посчастливилось выжить, следили за своим давлением. Такие повреждения иногда не дают никаких симптомов, но, в случае сильного волнения или перенапряжения, у человека может случиться удар или кровоизлияние в мозг.

– Хорошо, что вы нас предупредили, – вновь поблагодарил я ее.

И что теперь? Три женщины выжидающе смотрели на меня, рассчитывая получить указания, что делать дальше.

Моя первая мысль была об основной части самолета. Если в бизнес-классе дела обстояли так скверно, то даже подумать было страшно, что произошло в эконом-классе, где сиденья расположены гораздо ближе друг к другу, и падение самолета могло убить многих. Я понимал, что, если в задней половине «Боинга» кто-то и остался в живых, он нуждался в серьезной помощи.

– Мы должны найти другую часть самолета, – сказал я женщинам.

Ответом мне стали непонимающие взгляды, и я посмотрел на Джиллиан.

– Мы можем как-то связаться с людьми, которые там находились?

Она смущенно покачала головой:

– Телефон не работает.

Телефон…

– А как насчет мобильного? Вы знаете членов команды, которые там находились? Номера их сотовых?

– Знаю. – Стюардесса достала и включила мобильник. – Сигнала нет.

Мой телефон тоже оказался совершенно бесполезным.

– Я живу в Гейдельберге, – сказала Сабрина, вытаскивая свою трубку. – Может быть… нет, сигнала тоже нет.

– У меня «EE»[2 - «Everything Everywhere», британский сотовый оператор.]. – Харпер попыталась включить свой телефон, но у нее тоже ничего не вышло.

– Ладно, – подвел я итог. – Я пойду поищу их.

– Я с вами, – попросилась Лейн.

Джиллиан тоже вызвалась пойти с нами, но мы решили, что она должна остаться с пассажирами до прибытия помощи. Пока Харпер собирала все, что могло нам пригодиться, я заметил молодого азиата лет тридцати, сидевшего в бизнес-классе, сгорбившись над включенным лэптопом, монитор которого ярко сиял в темноте, царившей в салоне.

– Эй! – приблизился я к нему.

Он поднял голову и несколько секунд разглядывал мое лицо, а потом снова принялся печатать.

– Вам нужно покинуть самолет, – велел я азиату.

– Почему? – Он даже не посмотрел на меня.

Я присел на корточки, чтобы оказаться с ним лицом к лицу, и заговорил тише:

– На земле безопаснее. Кажется, что положение самолета достаточно стабильно, но его поддерживают деревья, ветви которых могут в любой момент сдвинуться, и тогда мы быстро скатимся или рухнем вниз. – Я показал на разорванную металлическую обшивку за спиной этого мужчины, где по-прежнему вспыхивали искры. – Кроме того, существует опасность пожара. Мы ничего не знаем наверняка.

– Пожара не будет, – сказал пассажир, продолжая печатать, быстро перебегая глазами с буквы на букву. – Мне нужно закончить.

Я считал, что его отчет вполне мог подождать, но ко мне подошла Харпер и протянула бутылку с водой, так что я решил участвовать только в тех сражениях, в которых мог одержать победу.

– И помните, – сказала Сабрина, – любые чрезмерные усилия или напряжение могут быть фатальными. Даже если у вас ничего не болит, вашей жизни может угрожать опасность.

– Мы поняли, – заверил я ее.

Когда мы направились к выходу, медичка подошла к молодому азиату и о чем-то тихо с ним заговорила. К тому моменту, когда мы оказались около двери, они уже практически кричали друг на друга – это было совсем не похоже на отношения доктор – пациент, и я догадался, что они знакомы. Что-то в этой сцене казалось неправильным, но мне было некогда о них думать.

В конце трапа мы обнаружили трех человек, которые сидели, сгорбившись, кто на земле, кто обхватив руками голову и опираясь о деревья. Однако самолет покинули по меньшей мере две дюжины пассажиров. Куда же подевались остальные?

Я принялся вглядываться в темный лес и не сразу сумел различить мерцающие между деревьями огоньки, которые направлялись в противоположную от самолета сторону – это был поток людей, двигавшихся в темноте, и некоторые из них бежали. А свет, видимо, шел от их мобильных телефонов.

– Куда они идут? – спросил я, ни к кому определенному не обращаясь.

– Вы что, не слышите? – не поднимая головы от колен, задала вопрос женщина, которая сидела на земле возле трапа.

Я замер и прислушался, и вскоре услышал доносившиеся издалека громкие крики о помощи.

Глава 4

Харпер

В густом английском лесу царил мрак, который не могло разогнать тусклое сияние луны и мерцание экранов мобильных телефонов впереди, среди деревьев. Белые светящиеся точки в руках бегущих людей метались, гасли и снова загорались почти в унисон с треском ломавшихся веток.

У меня горели ноги, и от каждого шага по всему телу разливалась боль, которая поднималась от нижней части живота. В голове то и дело возникали слова «удар» и «кровоизлияние в мозг» вместе с предупреждением доктора, что любые чрезмерные нагрузки могут иметь фатальные последствия.

Я понимала, что должна остановиться, потому что задерживала Ника. Не говоря ни слова, я сдалась и, упершись руками в колени, попыталась отдышаться.

Стоун мгновенно остановился возле меня и опустился на землю.

– Что с тобой?

– Все отлично, – выдавила я из себя между вдохами. – Просто запыхалась. Ты иди, я догоню.

– Доктор сказала…

– Я знаю, со мною все нормально.

– Голова не кружится?

– Нет, все хорошо. – Я посмотрела на своего нового знакомого. – Если я все это переживу, то запишусь в тренажерный зал и буду ходить туда каждый день. И завяжу со спиртным до тех пор, пока не смогу пробежать пять километров без остановок.

– А я, если мы это переживем, первым делом закажу хорошую порцию выпивки.

– Отличная идея! Тебе – выпивка, а мне – тренажерный зал.

Ник смотрел на мерцающие вдалеке огоньки, которые начали собираться, точно светлячки, около чего-то за деревьями: что именно там было, я не видела. Его лицо превратилось в маску сосредоточенности, и мне стало интересно, чем этот человек зарабатывал на жизнь. Чем-нибудь вроде того, что происходило сейчас? Например, урегулирование кризисных ситуаций… У него отлично получалось, и он держался абсолютно уверенно, когда говорил людям, что они должны делать. Я совсем не такая. Интересно, чем еще мы отличаемся друг от друга и есть ли вообще хоть что-то, объединявшее нас?

– Я готова, – сказала я, и мы побежали дальше, на сей раз медленнее, чем раньше.

Через несколько минут деревья расступились, и картина, представшая моим глазам, оказалась для меня полной неожиданностью.

Около двадцати человек стояли рядом за линией деревьев на берегу озера, уходившего к горизонту так далеко, что его конца не было видно. Однако ужас на меня навели поднимавшиеся на пятьдесят футов над водой обломки и темная, с неровными краями дыра, похожая на рот огромной рыбины, – открытая передняя часть центрального салона самолета, оторвавшаяся в том месте, где находились крылья. Мы увидели один ряд кресел, но все они были пустыми.

Судя по всему, хвост самолета уперся в дно озера. Я попыталась понять, что удерживало центральную часть, торчавшую над водой. Посадочные механизмы? Двигатели? Хотя что бы это ни было, оно не справлялось со своей задачей: нижний край разорванного фюзеляжа, находившийся в двадцати футах над водой, с каждой проходящей секундой опускался все ниже.

Для середины ноября было довольно холодно, и мое дыхание окутывало лицо белыми облачками, особенно яркими на фоне ночного мрака. Я подумала, что вода в озере наверняка ледяная.

Внутри самолета я заметила какое-то движение, а потом увидела лысеющего мужчину, который пробежал по проходу и остановился у дыры. Ухватившись за спинку кресла, он выглянул наружу, и его лицо побелело от страха. Но все же он попытался набраться храбрости, чтобы спрыгнуть вниз. Ему не пришлось долго думать, потому что сзади в него врезался крупный молодой мужчина, и они вместе перевалились через край. Падая, второй пассажир зацепился ногой за кусок искореженного металла, его развернуло, и он рухнул в воду под углом, но не задел человека, который свалился в озеро перед ним.

В следующее мгновение я заметила краем глаза еще какое-то движение и посмотрела на воду: два других человека отчаянно работали руками и ногами, направляясь в сторону берега. Те, кто уже выбрался из обломков, столпились у кромки воды, мокрые и дрожащие от холода. Я подошла поближе, пытаясь понять, что произошло, из обрывков их разговоров:

– Хвост самолета упал в воду.

– Сила… мне показалось, что я пролечу сквозь кресло.

– Я прополз прямо по телам трех человек. Мне кажется, все они были мертвы. Они не шевелились. Что еще мне оставалось делать?

Я спросила себя, насколько в озере холодная вода и как быстро наступает смерть от переохлаждения.

У дыры с рваными краями появился мужчина в голубой спортивной куртке. Он присел на краю, собираясь с мужеством, чтобы спрыгнуть вниз, когда над озером разнесся громкий голос Ника:

– Стойте! Если вы спрыгнете, то убьете всех, кто остался в самолете.

Это прозвучало очень мелодраматично, однако слова Стоуна привлекли внимание мужчины в голубом, а также мое и всех остальных на берегу.

Ник подошел к кромке воды.

– Послушайте! – крикнул он. – Мы вам поможем, но вы должны собрать всех, кто остался в живых, у этой дыры.

Мужчина внутри самолета – полноватый, лет пятидесяти, по моим прикидкам, – стоял у дыры, и на лице у него застыло недоумение:

– Что?

– Возьмите себя в руки, успокойтесь, – сказал ему Стоун. – Самолет погружается в воду. Когда она начнет заливаться в грузовой отсек внизу, он быстро опустится на дно. Вы и те, кто в сознании, должны действовать сообща. Приведите в чувство всех, кого сможете, затем найдите тех, кто жив, но не в состоянии двигаться, и перенесите их к дыре. Если вы это сделаете, остальное мы возьмем на себя. Вы меня поняли?

Мужчина медленно кивнул, но я видела, что он в шоке и не в состоянии осмыслить то, что услышал. Ник тоже это понял и продолжил говорить, на сей раз еще медленнее и спокойнее:

– Как вас зовут?

– Билл Мерфи.

– Хорошо, Билл. Приведите всех, кто жив, к дыре, а потом дождитесь помощи. Все должны собраться около дыры. Вы меня поняли? – Стоун помолчал, чтобы пассажир осознал то, что он сказал. – Билл, там есть еще кто-то, кто находится в сознании?

– Думаю, есть… да, есть, – отозвался Мерфи.

– Сколько человек?

– Не знаю. Пять, десять… Не знаю. Тут темно.

– Все в порядке. Идите и поговорите с ними, прямо сейчас. Попросите их помочь вам собрать всех около дыры и подождать.

Билл повернулся и исчез в темноте, а я подошла к Нику:

– У тебя есть план?

– Я над ним работаю, – ответил он очень тихо и оглянулся на людей на берегу. Их было около тридцати человек – перепачканные кровью пассажиры из носовой части самолета и дрожащие мокрые смельчаки из хвостовой, спрыгнувшие в воду. Наш лидер повернулся к ним и заговорил громче: – Кто-нибудь из вас умеет оказывать первую помощь, делать искусственное дыхание?

Поднялись две руки, причем одна явно неохотно.

– Хорошо. Я хочу, чтобы вы встали вон там. Некоторые из тех, кто появится из воды, не будут дышать. Вы должны сделать все, что сможете, чтобы привести их в чувство. Но если после первой попытки у вас ничего не получится, переходите к следующему. – Затем Стоун посмотрел на собравшихся у дыры людей. – Теперь… все, кто не умеют плавать, будут первыми.

Еще один умный шаг, благодаря которому оказание помощи становится обязательным – если хочешь выбраться, ты должен сделать шаг. Шесть человек выступили вперед, и мне стало интересно, сколько из них действительно не умеют плавать.

Одна из женщин, стоявших на берегу, отчаянно дрожа, заговорила, и я услышала в ее голосе страх, смешанный с решимостью:

– Я не могу снова войти в воду. Я там умру!

– И я тоже! – поддержал ее рыжий мужчина, стоявший рядом.

– Вам придется… пожалуйста, мой муж все еще там, – дрожащим голосом взмолилась пожилая женщина в желтом свитере.

– Это самоубийство, – сказал свое слово длинноволосый подросток в футболке с логотипом группы «Секс пистолс».

Ник встал между группой из передней части самолета и теми, кто дрожал от холода в мокрой одежде, разделив их.

– Не нужно всем лезть в воду, – сказал он этой второй группе. – Вы будете заниматься теми, кто не умеет плавать, помогать им высушить одежду. – Затем он заговорил быстрее, чтобы остановить протесты: – Но сначала, прямо сейчас, вы должны вернуться в переднюю часть самолета и собрать там все одеяла, какие только сможете найти, а также спасательные жилеты. И то и другое потребуется нам для тех, кто выберется на берег.

Отличная идея. Количество одеял на одного пассажира в первом и бизнес-классе поражало воображение. Их будет много. Но что задумал Стоун?

– Кроме того, физические упражнения и бег согреют вас и разгонят кровь. – Он хлопнул в ладоши. – Давайте, на старт! И приведите сюда темноволосую женщину по имени Сабрина, а также стюардессу Джиллиан. Найдите их и скажите, чтобы взяли с собой аптечку. И, помните, одеяла и жилеты. Все, что есть на борту.

Обе группы неохотно скрылись в лесу. Остальные – двадцать три человека, считая нас с Ником, – стояли и смотрели им вслед. Справа я услышала стук, доносившийся из самолета, нижняя часть которого находилась уже в десяти футах над водой, и подумала, что он погружается слишком быстро.

– Нам ни за что не удастся доплыть туда, а потом вернуться, да еще с теми, кто не умеет плавать. Слишком холодно. Мы сами едва сумели добраться сюда от самолета, – сказал толстый мужчина с жуткой раной на лице, который стоял на берегу.

– Вы правы, – не стал спорить Стоун. – Но нам не придется оставаться в воде настолько долго. И вы не поплывете к самолету и обратно.

Его слова были встречены дружным хором недовольных голосов, которых становилось все больше, и протестующие нотки в них звучали все сильнее:

– Мы утонем!

– Нужно дождаться профессионалов…

– Я на это не подписывался.

– Вы должны! – крикнул Ник, заставив голоса смолкнуть. – Вам придется это сделать, понятно? Нам всем придется. Потому что у нас нет выбора. Послушайте, кто-то любит каждого из тех, кто остался на борту. Там чей-то сын или дочь. Они матери и отцы, как некоторые из вас. А если бы там находились ваш сын или дочь, ваша мать или отец, беспомощные, без сознания, ждущие спасения! Прямо сейчас чья-то мать смотрит на телефон, ожидая звонка от сына. Через час она начнет волноваться, и, если мы будем стоять в стороне, она больше никогда его не увидит и не сможет с ним поговорить. И все потому, что мы побоялись войти в холодную воду и спасти его… Хотите рассказать ей, почему он погиб? Я не хочу. Я не смогу жить с этим и знаю, что вы тоже не сможете.

Он сделал паузу, набрал побольше воздуха и продолжил:

– Там, в самолете, мог оказаться любой из нас, вы или я. Мы бы сидели в кресле, живые, но без сознания, дожидаясь, когда нас поглотит вода. Без нас они точно утонут. Если мы им не поможем прямо сейчас, они умрут. Им больше не на кого рассчитывать; никто не придет, чтобы вытащить их оттуда. Получается, либо мы, здесь и сейчас, – либо никто, и смерть для тех людей. Чего бы вы хотели, если б находились там, а они стояли здесь? Мы не подписывались на это, но тут больше никого нет. Никто, кроме нас, не спасет этих людей. И каждая секунда, которую мы теряем, становится для кого-то последней. Там около двухсот человек, и их судьба в наших руках. У меня есть план, и мне нужна ваша помощь. Если вы хотите сидеть на берегу и смотреть, как они тонут, выйдите из группы.

Никто не пошевелился. Если не считать небольшого движения внутри самолета, нас окружала мертвая тишина.

– Хорошо, – кивнул Стоун. – Первым делом мы разведем костер. У кого есть зажигалка?

– У меня. – Вперед выступил мужчина в свитере с надписью «Нью-Йорк джайентс»[3 - Название американского профессионального футбольного клуба (американский футбол).], который протянул Нику зажигалку.

– Спасибо. – Стоун взял зажигалку и кивнул ему. – Так, а теперь все идите в лес и соберите как можно больше веток – столько, сколько сможете унести. У вас тридцать секунд. Не тратьте время на то, что не лежит на земле. Вперед!

Потом он повернулся ко мне:

– Собери маленькие веточки и поломай их.

Мы отправились в лес и вернулись с охапками веток, чтобы разжечь огонь. Положив хворост на землю, Ник присел на корточки, и вскоре появились первые робкие язычки пламени. Я добавила в огонь свою добычу, и, когда остальные вернулись из леса с тем, что им удалось отыскать, язычки превратились в маленький костер.

«Господи, как же приятно, когда тепло! – подумала я. – И это не все. Спасательные отряды уже наверняка нас ищут, и огонь приведет их к нам».

Костер может стать их единственным шансом найти нас посреди ночи. Скорее всего, они знают, где находится кабина, но, когда хвостовая часть самолета уйдет под воду, отыскать его будет совсем не просто.

– Отлично, молодцы! – сказал Стоун. – Вот мой план. У нас достаточно людей, чтобы выстроиться в два ряда. Мы растянемся на расстоянии вытянутой руки друг от друга до самого самолета. Когда он окажется над поверхностью, мы быстро войдем в воду и поплывем на свои позиции, а потом начнем передавать тех, кто сейчас в самолете, как по конвейеру, на берег. Главным ключом к успеху является скорость. Люди будут спрыгивать в воду в спасательных жилетах, поэтому те, кто займет позиции на глубине, смогут просто подтолкнуть их к следующему в строю. Все, кто будет стоять в воде выше пояса, тоже должны надеть спасательные жилеты, чтобы вам не пришлось идти по дну. И запомните – это очень важно, – вы не должны находиться в воде дольше, чем можете вытерпеть! Если вы слишком сильно замерзнете или у вас онемеют руки или ноги, выходите из воды и идите к костру. Согрейтесь и, если почувствуете, что вы в состоянии вернуться, как можно быстрее возвращайтесь на свое место.

Как только те, кто выберется из воды, согреются и просохнут, они смогут присоединиться к нашей группе. И последнее: если вы хорошо плаваете, если когда-то были спасателем или просто регулярно ходите в бассейн, а также если вы просто в хорошей физической форме и можете некоторое время удерживать дыхание, подойдите ко мне прямо сейчас.

Вперед выступили три человека, все молодые, на вид от двадцати до тридцати лет.

– А ты? – повернувшись ко мне, спросил Ник.

– Да, – сказала я, чувствуя, как во рту у меня пересохло. – Я хорошо плаваю.

Ну, может, конечно, это было легким преувеличением.

Стоун отвел нашу четверку в сторону от основной группы и заговорил довольно тихо:

– Мы пойдем первыми. Не надевайте спасательных жилетов, они замедлят продвижение вперед. В салоне два прохода. Мы разделимся на пару и тройку. – Он показал на самого молодого парня и на меня. – Вы со мною. Задняя часть самолета около хвоста уже, скорее всего, заполнена водой – и сомневаюсь, что она полностью герметична. Когда мы туда доберемся и обнаружим, что так и есть, начнем с поверхности. Мы не сможем спасти тех, кто находится под нею: они уже утонули. Мы поспешим вперед вдоль прохода к первому сухому ряду и начнем проверять пульс тех, кто там сидит.

Он приложил руку к собственному горлу, показывая, как нам надо будет действовать.

– Нажмите вот сюда как можно сильнее и ждите. Если пульса нет, двигайтесь дальше. Если вы нащупали пульс, другой рукой влепите сильную пощечину, чтобы привести человека в чувство. Если реакции не будет, отстегните ремень, перекиньте человека через плечо и отнесите к следующему пассажиру – мы попытаемся привлечь к помощи тех, кто еще на борту. Первыми обращайте внимание на детей – по очевидным причинам, а также потому, что они легче и спасательный жилет будет удерживать их так, что голова останется над поверхностью воды. Если вы пройдете пять рядов и не найдете ни одного

ребенка, возвращайтесь и займитесь взрослыми.

Потом он сказал каждому из нас, какими рядами мы будем заниматься, разделив их примерно поровну.

В этот момент начали подходить люди с одеялами. Они складывали их рядом с костром и старались сами согреться у огня.

Ник быстро подошел к Джиллиан и Сабрине и подозвал двух мужчин, сказавших, что они умеют оказывать медицинскую помощь.

– Эти парни знакомы с правилами первой помощи, – сообщил он Сабрине. – Они помогут вам с теми, кого мы достанем из самолета. – Затем повернулся к Джиллиан. – А ты умеешь оказывать первую помощь?

– Ну, я… прошла курсы, но никогда… вы же понимаете… – неуверенно пробормотала та.

– Всегда что-нибудь бывает в первый раз. Ты справишься.

– Мне это не нравится, – заявила Сабрина, глядя на окровавленных людей, выбравшихся из нашей части самолета. – Перенапряжение… у каждого из них может быть серьезная травма головы.

– У нас нет выбора. И мы будем делать то, что необходимо, – голос Ника прозвучал твердо, но без снисходительности или резкости, что мне очень понравилось.

Он снова подбежал к кромке воды и позвал Билла, но ему пришлось еще раз прокричать его имя, прежде чем толстяк появился в дыре. Вид у него был измученным и взволнованным. Нижняя часть самолета уже находилась в трех футах над поверхностью воды, и это еще больше вывело Мерфи из себя. Он посмотрел на нас с испугом:

– Слишком много народа. Мы не сможем спасти всех.

– Ничего, мы вам поможем, Билл, – заверил его наш лидер. – Вы должны достать из-под сидений спасательные жилеты и надеть их на людей, которых подвели к дыре. Вы меня поняли?

Мерфи огляделся по сторонам:

– А что потом?

– Потом мы спустим их из самолета и передадим спасательным командам. Очень важно, чтобы вы и все, кто будет вам помогать, оставались на борту. Вы меня понимаете?

Билл кивнул.

– Мы выстроимся в линию от берега до самолета, – объяснил ему Стоун. – Это будет очень скоро, ясно? Приготовьтесь.

Ник повернулся к людям на берегу, быстро распределил их по местам, поставив самых сильных впереди, самых слабых – в центре, а остальных – ближе к берегу. Я прекрасно поняла, почему он так поступил, но не смогла бы сама до такого додуматься – только не в такой холод, даже под дулом пистолета, даже зная, что нам предстоит увидеть, как десятки людей умрут у нас на глазах…

Стоун велел всем надеть спасательные жилеты на случай, если придется меняться местами – хорошая поправка к первоначальному плану.

Настроение вокруг нас начало меняться: людей охватывало возбуждение. Те, кто не участвовал непосредственно в спасательной операции, занимались костром – они исчезали в лесу и быстро возвращались с большими охапками веток и сучьев. Один из них, огромный парень лет двадцати в потрепанном темно-синем пиджаке, какие носят американские моряки, потянулся к спасательному жилету:

– Я могу встать в строй около берега.

Еще два мужчины вышли вперед, повторив его слова, и надели жилеты.

Несмотря на суету, я почувствовала, что мои нервы напряжены до предела. Мужчины, стоявшие около меня – другие опытные пловцы, – начали называть свои имена, и моя рука стала липкой от рукопожатий. Я не могла отвести глаз от тонущего самолета, считая уходящие секунды.

«Я хорошо плаваю, – сказала я себе. – Сегодня я должна это показать».

Но меня не оставлял вопрос, как быстро самолет затонет окончательно, когда вода начнет заливаться в дыру внизу, и что станет с телами и обломками, когда он заполнится водой, а я буду все еще там. Я знала, что у меня не будет ни одного шанса на спасение, но не имела права думать об этом по одной простой причине: я должна была помочь другим людям и не могла поступить иначе.

Ник посмотрел мне в глаза:

– Пора.

Глава 5

Харпер

Казалось, на целую вечность все вокруг погрузилось в тишину и неподвижность. Мы смотрели на темные очертания самолета, нависшего над спокойным озером, и вот он вздрогнул и стал ближе к воде. Охватившее всех наваждение было разрушено, и все глаза обратились к Нику и к нам, пловцам, вызвавшимся быть первыми. Я уже больше не чувствовала боли в плечах и внизу живота и пульсации в щеке. Я ощущала лишь исполненные страха взгляды людей, стоявших лицом к нам на берегу и освещенных пламенем костра. От их дыхания в воздухе висели белые облачка, которые окутывали их носы и рты. На спасательных жилетах горели похожие на бусинки огоньки, которые в сгущающемся тумане напоминали свет уличных фонарей в зимнюю ночь в Лондоне.

А потом я вбежала вслед за Ником в воду и поспешила к самолету, который неуклонно опускался. Трое мужчин и женщина стояли в проходе, выглядывая

наружу: они наблюдали за происходящим и ждали нас.

Вода оказалась такой холодной, что с каждым новым шагом мое тело немело, теряя чувствительность. Через десять футов она уже доходила до моей груди, и я, сжав зубы, двинулась дальше, на глубину, работая руками и не обращая внимания на брызги, попадавшие в лицо и на волосы. С того места, где я находилась, создавалось впечатление, что самолет находится далеко, в нескольких милях, хотя на самом деле до него оставалось не больше сорока футов. Ник и мужчины начали удаляться от меня, и я изо всех сил старалась не отставать.

Один из молодых парней первым добрался до самолета и осторожно, чтобы не зацепиться за торчащие куски металла, которые уходили в воду, залез на нижнюю часть фюзеляжа, где лежал багаж. Он повернулся, чтобы помочь забраться в салон мужчине, плывшему за ним, потом подал руку следующему, и наконец все четверо собрались в темном проходе, находившемся уже почти на одном уровне с водой.

Я оказалась у дыры с рваными краями последней, и дождавшийся меня Стоун протянул руку, схватив меня за предплечье:

– Держись за меня другой рукой.

Через две секунды я присоединилась к другим пловцам, промокнув насквозь и замерзнув как никогда в жизни. Мое тело сотрясала дрожь, с которой я ничего не могла сделать и которая посылала волны боли по всему моему телу, от плеч и низа живота. У меня было такое ощущение, будто холод пожирает меня изнутри.

В следующее мгновение я почувствовала, как чьи-то руки обхватили меня и принялись разгуливать по моему телу. Майк, парень лет двадцати, с которым я оказалась в одной команде, начал растирать мои плечи и спину, чтобы немного высушить и согреть их. Я не могла даже поднять на него глаза и смотрела на его футболку с надписью «Бостон селтикс»[4 - Название американского профессионального баскетбольного клуба.]. Как ему удалось не замерзнуть до полусмерти?

Ник крикнул людям на берегу, чтобы те начали выстраиваться в цепь, и они, держась за руки, побежали к воде. Белые огоньки на спасательных жилетах

растягивались в линию по мере того, как они заходили все дальше в озеро. Когда костер остался у них за спиной, лица исчезли в темноте, и только крошечные бусинки света указывали на присутствие людей. Две светящиеся линии были похожи на посадочную полосу, которая в ночи ведет несчастный, разбившийся самолет к костру и спасению. «Мы сможем это сделать», – сказала я себе.

Мужчины в пассажирском салоне наклонились, я почувствовала, как чьи-то руки подхватили меня и втащили наверх, и я в ужасе уставилась на острые, точно бритва, куски металла, торчавшие из пола.

Шок и боль от холодной воды отступили, и я спросила себя, хорошо ли это. Впрочем, я продолжала чувствовать и контролировать свое тело.

Я постояла секунду, не шевелясь, чтобы глаза привыкли к темноте, потому что внутри оказалось темнее, чем я ожидала. Я не знала, все ли пассажиры собрались в этом месте, но мне показалось, что все свободное пространство забито людьми и там нечем дышать, точно в шахте. Бледный свет луны озарял овальные иллюминаторы, которые, точно фонари, указывали нам путь к заполненной водой пропасти в конце прохода. Как и предполагал Ник, хвостовая часть уже полностью скрылась под поверхностью озера.

Эти люди уже мертвы. Мы не в силах им помочь, но зато можем спасти остальных.

Несмотря на боль и холод, я почувствовала некоторый душевный подъем, сказав себе, что смогу это сделать. Я должна. Я попыталась вспомнить речь Стоуна, сосредоточиться на главных фразах, мысленно повторяя их и собираясь с силами.

Если мы туда не пойдем, эти люди больше никогда не увидят тех, кого любят, и не смогут с ними поговорить.

Получается, либо мы, здесь и сейчас, – либо никто, и смерть для тех людей.

Пол у нас под ногами начал опускаться быстрее, выравниваясь, но небольшой угол еще оставался, превратившись в подобие уходившего в темноту трапа.

В проходах у наших ног, частично погрузившись в воду, лежали тела: женщины, дети и несколько мужчин, почти все худые. Примерно половина из них успели надеть спасательные жилеты. Плохо. Я насчитала около тридцати человек. Постепенно мои глаза приспособились к полумраку, и я смогла лучше рассмотреть самолет: один ряд бизнес-класса – все кресла пустые, потом разделительная стена и две секции экономкласса с тремя группами сидений, по два с каждой стороны и по пять посередине.

Я внимательно осмотрела кресла, стоявшие лицом к нам, и повсюду увидела людей. Их было, наверное, больше сотни. Мне стало страшно, и я спросила себя, сколько у нас есть времени – минута, две? Как только вода начнет проникать в нижнюю часть фюзеляжа, она быстро заполнит салон, и самолет опустится на дно. Мы не могли спасти всех. Может быть…

Голос Ника вернул меня в реальность; я посмотрела на него и увидела, что на его лице нет ни паники, ни страха. Он был похож на заботливого папашу во время похода, а говорил спокойно и по делу: быстро выдал задания Биллу и семерым людям, которые помогали ему внутри самолета. Трое мужчин должны были стоять в каждом конце прохода, направляя людей в спасательных жилетах к тем, кто находился в воде, а остальным четверым Стоун велел собирать и надевать на пассажиров спасательные жилеты, прежде чем они покинут самолет.

– Ни при каких обстоятельствах вы не должны уходить со своих мест, нам очень нужна ваша помощь. – Ник показал на пассажиров, которые находились без сознания. – Вы им нужны. Без вас они умрут. Вы меня понимаете?

Все дружно закивали.

– Тогда за работу. И не теряйте попусту время.

Майк сорвался с места: он перепрыгивал через тела, наступал на них, топтал… Я сделала осторожный шаг, споткнулась и ухватилась за спинку кресла.

– Вперед, Харпер! Не бойся на них наступить! – крикнул наш командир, и я побежала, хотя каждый новый шаг давался мне с огромным трудом.

Наконец я почувствовала под ногами застеленный ковром пол в проходе и рванулась вперед. Майк занялся тремя внутренними креслами, а мне достались те, что находились у окна. В следующее мгновение, прежде чем я добралась до кресел, он пронесся мимо меня с перекинутым через плечо телом.

Я почувствовала под ногами воду, но продолжала идти вперед, хотя она показалась мне еще холоднее, чем в озере. Я думала, что угол наклона самолета будет другим и вода окажется только в задней части салона, но у меня возникло ощущение, будто я вошла в мелкую часть бассейна. С каждым новым шагом ледяная вода поднималась на дюйм вверх по моим ногам. С чего начать? Вода уже дошла мне до пояса, и головы пассажиров торчали над ее поверхностью. Живы ли они еще?

Слова Ника снова пронеслись у меня в голове: все, кто под водой, мертвы. Но головы этих людей находились над водой. Я поспешила вперед, к последнему ряду, где вода доходила до подбородков.

Я добралась до первого пассажира, подростка, увидела заплывшие глаза, опухшее, с запекшейся кровью лицо, протянула дрожащую руку и тут же отдернула ее, почувствовав под пальцами холодную жесткую плоть. Я замерла на месте, не в силах справиться с потрясением, и только дыхание белыми облачками окутывало мои губы.

– Они мертвы, Харпер! – крикнул Ник, пробираясь с очередным телом, переброшенным через плечо по наклонной плоскости мимо меня. – Вода слишком холодная. Пройди вперед на три ряда.

Свет у дыры в самолете показался мне ослепительным. Стоун что-то кричал и размахивал руками, и тела, одно за другим, с плеском падали в воду. У нас все получилось. Я твердила себе, что должна сосредоточиться, потому что на меня рассчитывали попавшие в беду люди.

Надо искать тепло. Тепло жизни. Я быстро прижала руку к шее очередного пассажира. Холодная.

Следующий ряд. Я не могла пройти мимо, не могла. Через четыре ряда, где вода доходила мне до колен, мои пальцы коснулись теплой кожи – более теплой, чем у остальных. Я прижала руку к шее бледного мальчика в футболке с логотипом

«Манчестер юнайтед»[5 - Название английского профессионального футбольного клуба.] и почувствовала легкое биение пульса. Секунду я смотрела на него, а потом потрясла его за плечи, позвала и, наконец, заставила себя влепить ему пощечину. Ничего. Тогда я расстегнула ремень, потянула его за руку и вытащила из кресла. Наклон самолета и вес мальчишки оказались для меня почти нестерпимыми, но я не сдалась и двинулась вперед, с трудом переставляя ноги. Добравшись до очереди, я передала мальчика стоявшим в ее конце женщине и немолодому мужчине, и они надели на него желтый спасательный жилет и дернули за шнур, чтобы жилет начал наполняться воздухом.

Я спасла мальчику жизнь и знала, что теперь с ним все будет хорошо.

Люди заметно быстрее начали покидать самолет: они прыгали за борт по одному в секунду. Ник посмотрел на меня и кивнул, а я повернулась и помчалась назад по проходу, успев нырнуть на свободное кресло, чтобы пропустить догоняющего меня Майка.

Оказавшись в пустом проходе, я почувствовала, что там что-то изменилось: мимо текла вода, которая пыталась стащить с меня туфли и билась о щиколотки. Салон опустился до поверхности озера. Сколько еще времени у нас осталось? Я не знала ответа.

Я бросилась к следующему ряду, но там все были мертвы. Холодная кожа и шеи, словно в калейдоскопе, проносились мимо, и я двигалась ритмично, совершенно автоматически: протягивала руку, прикасалась к коже и шла дальше. Через несколько секунд я расстегнула застежку на ремне девушки-индианки в футболке с надписью «Мир Диснея», а потом был светловолосый мальчик, чью руку мне пришлось вытащить из руки сидевшей рядом женщины, наверное, его матери. Я спасла еще троих детей, чувствуя, как мои ноги все сильнее горят огнем с каждым новым шагом. А потом я поняла, что у меня больше не осталось сил. Я спрашивала себя, сколько еще смогу выдерживать эту безумную гонку, зная при этом, что должна ее выдержать.

Майк схватил меня за руку:

– Всё, детей больше нет. Теперь взрослые. Ты ищешь, я отношу. Хорошо?

Один, два, три человека отправились к спасительной дыре на плече этого парня.

И всякий раз, когда я смотрела в конец самолета, лица, торчавшие из воды, были другими – очередные ряды пассажиров поглощала наступавшая вода, самолет начал быстро погружаться на дно.

Наконец, Майк, расплескивая воду, подошел ко мне и сказал:

– Самолет тонет. Отстегни ремни всех, кто жив, и надень на них жилеты. Это их единственный шанс.

Я начала метаться между рядами, проверяя пульс оставшихся пассажиров и отстегивая их ремни безопасности. Мне пришлось нырнуть, чтобы достать спасательные жилеты из-под сидений, и вода показалась мне еще более холодной, чем в первый раз. Около четвертого сиденья я почувствовала, что самолет содрогнулся и куда-то покатился, звук рвущегося металла наполнил салон, и меня накрыла ледяная волна. Крылья. Что-то случилось. «Сосредоточься!» – твердила я себе. Я потянулась вперед, пытаясь отстегнуть очередной ремень, но мне не удалось его достать. Я нырнула и сумела справиться с замком, но, когда попробовала вынырнуть, оказалось, что моя голова по-прежнему находится под водой.

Меня охватила паника, я потянулась вверх и повернулась, отчаянно пытаясь найти какую-нибудь твердую поверхность, но ее нигде не было.

Сквозь толщу темной воды я увидела едва различимый свет – дыру в самолете – и принялась отчаянно работать руками и ногами, пытаясь добраться до света, но моя нога за что-то зацепилась. Я застряла. Потянувшись назад, попробовала высвободиться, но у меня онемели пальцы – они больше не слушались, став безжизненными и бесполезными. Я стала дрыгать ногой, но у меня ничего не вышло. Тогда я снова повернулась к свету и начала размахивать руками в надежде, что меня кто-нибудь заметит. Мимо проплыло тело в желтом жилете, и оно закрыло собой спасительную дыру. Я смотрела, как оно движется в сторону тусклого света, который с каждой секундой становился все меньше.

Глава 6

Ник

Только когда все уже почти закончилось, я начал понимать, что произошло с этой частью самолета. Оторвавшись от носа и падая, она развернулась на сто восемьдесят градусов, и верхушки деревьев, росших вокруг озера, замедлили движение, прежде чем обломок самолета упал в воду. Он рухнул хвостом вперед, и, скорее всего, это спасло множество жизней: удар прижал людей к креслам, вместо того чтобы толкнуть их вперед, на сиденья перед ними, что грозило бы им неминуемой смертью.

Судя по всему, хвост вонзился в дно озера через несколько секунд после удара и остался там, а два двигателя висели на крыльях, точно центральная часть качелей, благодаря чему другой конец оказался над водой. Такой была моя догадка. Но потом двигатели – или, возможно, крылья, а может быть, посадочные устройства – перестали поддерживать обломки, и тогда разразился ад. Вода, проникшая в фюзеляж, тяжелая, точно бетон, потянула самолет на дно. Я понял, что ему осталось всего несколько секунд.

– Наружу! Немедленно! – крикнул я как можно громче.

Последние пассажиры, помогавшие нам передавать тех, кто находился без сознания, наружу, пробрались по проходу и дальше, к строю спасателей, протянувшемуся до самого берега, где неровными рядами были сложены тела спасенных. Желтые жилеты под окровавленными, распухшими лицами тянулись до самого костра. Несколько человек из тех, кого удалось спасти, находились в воде, другие брели по озеру, погрузившись по пояс, и все из последних сил старались добраться до суши. Они уже мало походили на людей, но сегодня все были святыми.

Паренек в зеленой футболке с надписью «Селтикс» – кажется, его звали Майк – прошел мимо меня, дрожа и опустив голову.

– Где Харпер? – спросил я, схватив его за руку.

Он закашлялся и оглянулся назад.

– Кажется, уже выбралась. – Он кивнул. – Да, думаю, выбралась.

– Хорошо. Я проверю. Иди.

Я подтолкнул его, и он, подойдя к краю самолета, шагнул в ледяную воду.

Я посмотрел назад, в черную пропасть, но увидел только тела в надутых спасательных жилетах, которые плыли в мою сторону. Тогда я повернулся, снова прошел к дыре и принялся вглядываться в лица людей вплоть до самого костра, но стройной женщины со светлыми волосами и в желтом жилете нигде не было. Я уже не сомневался, что она не сумела выбраться.

Что-то пронеслось мимо, и я решил, что это спасательный жилет. В лицо мне ударили брызги воды, точно кто-то решил вылить на меня ведро. Я тряхнул головой и принялся всматриваться в темный проход. Еще одно тело проплыло мимо, и тут я заметил стройную фигурку и тонкие руки, тянувшиеся к сиденью. В следующее мгновение они исчезли – их поглотил мрак.

Я понял, что это она.

Тогда я нырнул в заполненный водой проход и стал продвигаться по нему, хватаясь за спинки кресел и погружаясь все глубже, мимо тел и каких-то предметов.

Да, это была она. Я сумел разглядеть ее покрытое синяками лицо, схватил вытянутую руку, но пальцы женщины оказались безжизненными и никак не отреагировали на мое прикосновение. Я замер на месте и некоторое время просто висел в воде, не зная, что делать дальше.

Но тут я увидел, что Лейн шевелит руками, пытаясь до меня дотянуться. Я попробовал подтащить ее к себе, но она не сдвинулась с места. Преодолев несколько футов, которые нас разделяли, я крепко схватил ее за руки, поставил ноги на сиденье и дернул, но мне показалось, что она к чему-то привязана. У меня отчаянно забилось сердце – уж не знаю, от страха или от нехватки кислорода.

Я опустился ниже, схватил свою помощницу выше пояса и оттолкнулся ногами, призвав на помощь все свои силы. Мы высвободились и поплыли по проходу, только Харпер не шевелилась. Мне казалось, что в груди у меня сейчас что-то взорвется, но я продолжал крепко держать ее и, отталкиваясь от сидений, поднимался наверх. Женщина безвольно, точно тряпичная кукла, болталась у меня в руках.

Это было жуткое ощущение, но я продолжал двигаться вперед, глядя на искорку лунного света, которая постепенно становилась все ярче. Однако я уже почти не чувствовал ног, и меня начала охватывать паника. Мы вынырнули на поверхность, я сделал большой вдох и на мгновение потерял Харпер, но тут же снова схватил ее, чтобы она не погрузилась под воду. А потом я из последних сил принялся работать ногами. Вот только мне никак не удавалось держать ее так, чтобы наши головы находились над поверхностью. Шевелиться я больше не мог, так сильна была охватившая меня усталость. Я попытался сделать вдох, но вместо этого только наглотался ледяной воды.

Неожиданно меня окружили голоса, однако слов я не различал. Продолжая крепко держать Лейн, я изо всех оставшихся сил поплыл к берегу и вдруг понял, что ноги меня не слушаются. Я обмяк и почувствовал, как что-то дергает и толкает меня. Мне в рот залилась вода, я выплюнул ее и закашлялся, а потом закрыл глаза и рот и постарался остаться на поверхности.

Когда я снова открыл глаза, перед моим лицом болтался желтый резиновый жилет. Я заморгал и увидел у себя над головой серебряную луну и звезды, такие яркие, каких мне не приходилось видеть никогда прежде. В следующее мгновение чьи-то руки схватили меня под мышки и вытащили на берег. Повернув голову набок, я закашлялся, сплевывая воду и задыхаясь. А потом меня завернули в одеяло и подтолкнули к костру. Его жар в первый момент показался мне обжигающим, почти невыносимым после ледяной воды. Волны тепла накатывали, проникая сквозь кожу в каждую клеточку тела, и постепенно жар перестал быть таким мучительным. Появилось ощущение, будто меня покрыли несколькими слоями теплой грязи: она жалила, но я не мог заставить себя отодвинуться.

Прошло несколько секунд – или часов: я совсем потерял чувство времени. Чьи-то руки перевернули меня, и я оказался на спине, после чего услышал, как кто-то побежал к озеру за кем-то еще.

Я повернулся на бок, принялся оглядываться по сторонам и увидел Харпер, которая лежала на спине около костра, Сабрина склонилась над ее неподвижным телом, лихорадочно пытаясь привести женщину в чувство. Мы встретились глазами – я уже видел такой взгляд. Потом моя голова упала обратно на землю, и перед глазами снова появились звезды, но они тут же погасли.

Глава 7

Ник

Я проснулся рано утром и обнаружил, что по-прежнему нахожусь около костра, который, по сравнению со вчерашним, уменьшился раза в два. Люди, завернутые в одеяла, лежали вокруг него концентрическими кругами, а между ними были разбросаны сдувшиеся спасательные жилеты, будто ночью прошел дождь из желтых резиновых уточек.

Я чувствовал себя так, будто провел последние восемь часов в миске для взбивания крема, где надо мной как следует поработал миксер. Не могу сказать, что у меня конкретно что-то болело, но ныло все тело, точно я превратился в один большой синяк. Я сделал вдох, но тут же задержал дыхание, чтобы не закашляться. Пронзительно холодный воздух причинял мучительную боль. Как, впрочем, и все остальное.

После того как вчера вечером согрелся у костра, я освободил место тем, кто нуждался в тепле больше меня. Слишком поздно я сообразил, что нам следовало развести два костра: ночь выдалась слишком холодной, даже для меня.

Я услышал хруст камешков на берегу и шаги – уверенные, быстрые, решительные, – а в следующее мгновение около меня остановилась Сабрина, которая принялась внимательно меня рассматривать.

– Как вы себя чувствуете? – Сегодня ее акцент был сильнее, а слова звучали коротко и сдержанно. Впрочем, возможно, так разговаривают все врачи.

– Потрясающе, – опустив голову на землю, ответил я и закашлялся.

– Это вряд ли. Я хочу, чтобы вы подробно рассказали о своих симптомах. Возможно, вы получили внутренние повреждения, которые я не смогла вчера диагностировать.

– Хорошая новость, доктор: все мои внутренние повреждения носят исключительно психологический характер. – Я сел и окинул взглядом лагерь. – Где Харпер?

– Вон там.

Я невольно затаил дыхание, когда медичка повела меня через лагерь к кругу, находившемуся ближе всего к костру. Харпер Лейн, свернувшись в клубок, лежала на боку, совсем близко к огню: ее спутанные светлые волосы рассыпались по спине, и она не шевелилась.

– Она жива, – сказала Сабрина. – Но больше я ничего не знаю. Она не дышала, когда ее вытащили на берег. Я привела ее в чувство, но она бредила. Возможно, это временное повреждение мозговой деятельности или… как я уже говорила вчера вечером, любое перенапряжение и чрезмерные физические нагрузки очень опасны.

– А вы считаете, что мы не должны были ничего делать? – возразил я ей. – Просто стоять и наблюдать, как они умирают? Или сказать им, что мы очень хотели бы помочь, но не можем, потому что нам запретил доктор?

– Нет, я совсем не это хотела сказать. Я пыталась вам объяснить, что нестабильное физическое состояние Харпер перед тяжелыми нагрузками и кислородным голоданием могло усугубить уже имевшиеся повреждения, и поэтому поставить точный диагноз стало намного труднее.

– Хорошо. Раз уж об этом зашла речь… – Я сделал глубокий вдох и потер виски, пытаясь справиться с жуткой головной болью. Сабрина спасла несколько дюжин жизней и, судя по ее виду, вообще не спала ночью. – Послушайте, я себя кошмарно чувствую, и меня мучает вопрос, правильные ли решения я принимал ночью.

– Скорее всего, это моя вина. То, что мне пришлось делать, – не совсем моя область деятельности.

– Ладно. Вы могли бы… немного поработать над тем, как следует себя вести с пациентами.

– Я не занимаюсь пациентами.

– Да, я уже понял. И какова ваша специализация?

Доктор отвернулась и отошла от костра.

– Думаю, вам необходимо что-нибудь съесть, а потом отдохнуть еще немного, – сказала она, не ответив на мой вопрос.

– Сэндвич и сон. Мне нравится. – Я окинул взглядом берег и прислушался, но ничего не услышал. – А где кавалерия?

– Какая кавалерия?

– Ну, вы понимаете… вертолеты, спасательные службы… Они уже должны быть здесь.

– Я никого не видела.

– Вы шутите?

– Поверьте, я говорю правду.

Я понял, что общение с людьми было не самой сильной стороной Сабрины; видимо, по этой причине она и не являлась практикующим врачом, как сама мне сказала. Впрочем, на настоящий момент загадка этой женщины была не самой главной вещью в жизни.

Я подумал, что, возможно, спасательные отряды разбили лагерь около носовой части упавшего самолета. Он потерпел крушение почти двенадцать часов назад

– и здесь обязательно кто-то должен был появиться. В суматохе вчерашнего вечера и ночи я оставил свой мобильный телефон в кармане, и теперь лишь убедился в том, что и так уже знал: он не работал.

– Я схожу проверю, как там дела с другим обломком, и добуду еды. Вам принести что-нибудь? – предложил я Сабрине.

– Да, пожалуйста. Пол-литровую бутылку воды и полный обед, в идеале на тысячу калорий: пятьдесят процентов углеводов, тридцать протеина, а остальные двадцать – жиры, – усмехнулась та. – Желательно с минимальными добавками и не прошедших обработку.

– Отлично.

– Я могу добавить еще параметры, если это вам поможет.

– Нет-нет, я все понял.

Я шел по тропинке в лесу, по которой вчера мы бежали с Харпер. Она уже тогда была без сил. Мне бы следовало понять это и не просить ее плыть с нами в самолет. Я оглянулся на нее, когда вызывал добровольцев, практически не подумав. После произнесенной мной речи получилось так, будто я заставил ее согласиться, выставив перед всеми. Так что, если с ней произойдет что-нибудь плохое, это будет следствием моей ошибки. Чувство вины давило мне на плечи, буквально прижимая к земле и мешая двигаться вперед.

Неожиданно я услышал впереди крики и увидел около двух дюжин людей, которые столпились около аварийного трапа, ведущего к двери в кабину.

– Это наша еда! – крикнул один из них.

Я узнал голос пьяного ублюдка с места 2Д. Он стоял у трапа, кричал и отталкивал от него людей.

– Мы за нее заплатили! – Он наставил палец в лицо мужчины, который стоял перед ним. – В стоимость билетов первого и бизнес-класса входит эта еда. Ешьте то, что предназначено для экономкласса. Я слышал, что он около озера.

Я не особо колебался: мне сразу пришла в голову мысль, что для разнообразия будет приятно принять легкое решение.

Не говоря ни слова, я пробрался сквозь толпу к трапу.

– Ты!.. – фыркнул 2Д перед тем, как я изо всех сил врезал ему по морде.

Он упал спиной на трап, взлетел в воздух и снова неуклюже рухнул, но уже в следующее мгновение вскочил и бросился на меня. Я остановил его новым ударом в лицо, который отбросил его назад, на сей раз под углом, и он скатился с трапа на землю.

Каждое движение причиняло мне боль, но одновременно я испытал и невероятное удовольствие. Я первый раз ударил человека с тех пор, как мне исполнилось десять, – и, надеюсь, в последний, – но, вне всяких сомнений, оно того стоило.

Глаза лежавшего на земле 2Д метали молнии.

– Я позабочусь, чтобы тебя арестовали, когда все закончится, – заявил он.

– Правда? И каким же образом?

– У меня две дюжины свидетелей.

– Ну да? – Я оглянулся на толпу: все улыбались, а кое-кто качал головой.

– И у меня есть доказательства, – продолжал скандалист, показав на свое окровавленное лицо.

– Доказательства того, что самолет потерпел крушение? – уточнил я с усмешкой.

Затем я повернулся к Джиллиан, которая смотрела на происходящее широко раскрытыми глазами.

– Сколько еды осталось?

– Немного. Точно я не знаю, – отозвалась стюардесса.

– Возьми двух человек в помощь и вынесите все сюда.

Люди потянулись к трапу, но я поднял вверх руки.

– Подождите. Нам нужно оставаться здесь. Положение самолета может быть нестабильным. Когда Джиллиан вынесет еду, мы поделим ее поровну.

В толпе раздались недовольные голоса, но спорить всерьез никто не стал. В конце концов, я только что отделал незнакомого парня, казалось бы, без особой на то причины.

У меня за спиной Джиллиан с помощью двух мужчин с трудом поднималась по трапу. Я решил, что нет никакого смысла строить лестницу, учитывая, что нас должны были в самое ближайшее время спасти, но кто-то мог пострадать, если этого не сделать. Поэтому я подошел к стюардессе и ее помощникам, чтобы обсудить, что мы можем использовать, начиная с багажа и кончая тележками, на которых развозят еду и все прочее. Мы сошлись на том, что первым делом надо заняться завтраком, а потом вещами.

Что дальше? Люди продолжали стоять около трапа, точно толпа зрителей, пришедших на концерт. Я понимал, что нам срочно нужна помощь. Нужны спасательные отряды.

– У кого-нибудь есть работающий мобильный телефон? – спросил я.

В ответ послышалось несколько голосов:

– Нет, сигнал не ловит.

– Батарейка разрядилась.

– Я всю ночь пытался позвонить, ничего…

– Ни у кого нет, я спрашивал.

Странное явление, пожалуй, даже невозможное. Из двухсот пассажиров самолета, потерпевшего крушение в Англии, ни у одного не работал мобильник? Что-то здесь было не так…

Похоже, все остальные думали так же. Мужчина в твидовом пиджаке, надетом поверх футболки с надписью «Доктор Кто», и джинсах вышел из толпы.

– Все понимают, что произошло, да? – спросил он и замолчал, дожидаясь, когда все обратят на него внимание. – Третья мировая война. Они отключили электронику и все средства связи. Началось вторжение, вот почему никому нет до нас дела! Сейчас у них гораздо более серьезные проблемы, чем спасать горстку людей с потерпевшего крушение самолета.

Со всех сторон послышались стоны и испуганные возгласы. Невысокий лысый мужчина в черном свитере и крошечных круглых очках заговорил медленно, старательно произнося каждое слово, точно профессор, отчитывающий своего самого нелюбимого студента, и в его голосе я уловил акцент жителя штата Висконсин:

– Ваше предположение притянуто за уши! Более того, оно абсурдно.

– Неужели?! – не согласился поклонник Доктора Кто. – И что вы про это знаете?

– Вообще-то достаточно. Я работал в «Нортроп Грамман»[6 - Американская военно-промышленная компания, работающая в области электроники и информационных технологий, авиакосмической отрасли и судостроения.].

– Правда? Да неужели?!

– Будь это третья мировая война, мы бы услышали взрывы, в небе летали бы самолеты, а вдалеке наверняка грохотали бы танки и войсковой транспорт. И в любом случае третья мировая война начнется не в Англии.

– Может, они оставили Англию напоследок. Она – отличное место для вторжения из континентальной Европы, история это доказала.

– Верно, – заявил мужчина из «Нортроп Грамман». – Именно по этой причине никому не удалось завоевать ее за тысячу лет.

– Ну, возможно, сейчас началась совсем другая война. Все почему-то думают, что следующая будет, как предыдущая: танки, самолеты, и так до самого конца. Но в наше время все решают технологии. Они отбросили нас назад, в каменный век, и теперь ждут, когда мы начнем голодать, чтобы вторгнуться в Англию. Вероятно, они использовали электромагнитные импульсы – это объясняет крушение самолета и замолчавшие телефоны.

– Не объясняет, сэр, – снисходительно протянул тип из «Нортроп Грамман». – Электромагнитный импульс не испортил бы наши телефоны, в отличие от более серьезной электроники. Я только что видел в самолете человека с работающим лэптопом.

– У него работающий лэптоп? – выкрикнул кто-то в толпе.

– Интернет отключился еще во время полета, – заговорила женщина средних лет в спортивной куртке с надписью «Университет Нью-Йорка». – Я как раз читала электронные письма. Это произошло примерно за час до крушения.

– Точно, – подтвердил стоявший рядом с ней мужчина.

– Может быть, проблема со спутниками, – предположил еще кто-то.

Мужчина из «Нортроп Грамман» повернулся к женщине из университета:

– Неисправность спутников могла стать одной из причин катастрофы, но это не объясняет, почему не работают телефоны. Они связаны с наземными башнями – ну, кроме спутниковых. Значит, мы можем сделать вывод, что все наземные башни вышли из строя.

– Или их просто нет. Возможно, мы вовсе не в Англии, – подал голос еще один из пассажиров.

А вот это предположение показалось мне интересным.

– Бегущая строка показывала, что мы в Англии, я сама видела, – вмешалась дама из Нью-Йоркского университета.

– Возможно, в самолете что-то вышло из строя, – задумчиво проговорил мужчина из «Нортроп Грамман», – связь с внешним миром была потеряна, но бегущая строка продолжала показывать первоначальный полетный план. Может быть, местоположение самолета рассчитано в зависимости от времени в пути.

– В таком случае мы можем находиться где угодно, – прозвучал чей-то испуганный голос.

– Например, в Гренландии. Вы заметили, как здесь холодно? – ответил ему еще кто-то.

– Или в Исландии, а может быть, на каком-нибудь острове далеко от Англии. Может, здесь вообще нет людей.

– Нас никогда не найдут, – голоса пассажиров звучали все более нервно.

Ко мне подошла пожилая женщина:

– А вы что думаете, сэр?

По необъяснимой причине – возможно, из-за того, что я врезал тому типу, – все глаза уставились на меня.

– Я думаю… мы сможем узнать гораздо больше, когда попадем в кабину пилотов, – ответил я. – Компьютеры или даже сами пилоты смогут сказать нам, где мы находимся. А по системе связи нам, возможно, удастся вызвать помощь.

Это было все равно что пинать консервную банку по дороге – ведь ответ на вопрос, который мучил всех, находился всего в нескольких футах от нас. Люди начали успокаиваться, и тут на надувном трапе появилась еда, и группа разделилась. Люди получили сокращенные порции и двинулись к теплым одеялам и костру у озера.

– Вы не попадете в кабину, – сказал кто-то за моей спиной.

Я обернулся и увидел типа из «Нортроп Грамман», который стоял так близко, что мне стало не по себе:

– Это еще почему?

– Она армированная. После одиннадцатого сентября это сделали на всех самолетах, особенно на международных рейсах. Вам скорее удастся попасть в Форт-Нокс[7 - Форт-Нокс – военная база США в штате Кентукки, известная тем, что на ее территории расположено существующее с 1936 г. хранилище золотых запасов США.].

– А как насчет иллюминаторов?

– То же самое. Они выдержат взрыв любой силы, даже на высокой скорости.

Военный промышленник продолжал стоять и смотреть на меня, как будто чего-то ожидал. Я понял, что он еще не все сказал, и решил проглотить наживку:

– Что вы предлагаете?

Мужчина подошел еще ближе и прошептал:

– Вам не удастся войти внутрь, но, если там есть кто-то живой, он может выйти, и это наша единственная надежда. Прошло всего двенадцать часов. Возможно, один из пилотов просто потерял сознание. Если мы сумеем привести его в чувство, он откроет дверь.

– Звучит вполне разумно. Значит, мы должны устроить что-нибудь очень громкое.

– Именно. И вот что еще важно, мистер…

– Стоун. Ник Стоун. – Я протянул руку, и он быстро пожал ее:

– Боб Уорд. Нам нужно позаботиться, чтобы мы – или кто-то, кому мы доверяем, – попали в кабину первыми.

Кто-то, кому мы доверяем. Я тут же подумал о трех парнях, которые вчера пошли за мной в самолет, – и о Харпер. Я не мог не беспокоиться за нее, и внутри у меня невольно все похолодело.

– Почему? – спросил я, попытавшись сосредоточиться на разговоре.

– Внутри кабины есть ящик с оружием. Если оно попадет в руки не тех людей, наш лагерь станет очень опасным местом. – Мой собеседник оглянулся на трап, куда я уложил 2Д.

– Согласен.

– В таком случае мы готовы начать? – Боб, явно получавший удовольствие от происходящего, быстро направился к трапу.

С помощью нескольких пассажиров мы забрались назад, в самолет, где Джиллиан сортировала продукты в маленькой кухоньке рядом с кабиной пилотов.

– Как дела с припасами? – спросил я.

– Это все, что есть, – вздохнула стюардесса.

Да уж, особо не разбежишься…

– Ладно, мы решим, что делать, сегодня вечером. Ты не могла бы отнести две порции к озеру – одну для доктора, другую для Харпер? – попросил я Джиллиан. – И попроси тех трех ребят, которые помогали мне в самолете ночью, подойти сюда.

– Конечно.

– И еще, у тебя есть список пассажиров и членов команды, чтобы мы могли узнать имена пилотов? Может быть, если мы их позовем, они откликнутся.

Джиллиан сообщила мне имена летчиков и передала несколько скрепленных степлером листков бумаги, которые я быстро просмотрел. Я нашел свое имя, потом имя Харпер Лейн и своего врага с места 2Д: его звали Грейсон Шоу. Сабрина Шредер летела бизнес-классом на месте 11Г. Юл Тан, азиат, который вчера что-то делал на лэптопе, – на месте 10Б. Я взглянул вдоль прохода и увидел, что он по-прежнему сидел в своем кресле и печатал: экран освещал его худое лицо. Либо у его лэптопа была потрясающая батарейка, либо он делал перерыв в работе – что показалось мне маловероятным. Этот человек выглядел напряженным и возбужденным одновременно. Что-то происходило, но я не имел ни малейшего представления что.

– Готовы, мистер Стоун? – спросил Боб.

– Да. Зовите меня Ник, – отозвался я.

* * *

Мы стучали и шумели изо всех сил, но безрезультатно. Потом у нас появилась идея пройти через туалет первого класса. Мы спустились на землю в том месте, где в нее вонзился нос самолета – ночью он погрузился немного глубже, – и заглянули в ветровое стекло: там, где было меньше трещин. Пилоты находились внутри, все трое, но ни один из них не шевелился. Определить, дышат ли они, было невозможно. Мы впятером – Боб, трое ребят с озера и я – несколько часов пытались добиться результата, и в конце концов я понял, что валюсь с ног от усталости.

– Я сделаю перерыв, парни, – сказал я. – Схожу к озеру. Если сумеете попасть внутрь, позовите меня.

– Ты можешь отдохнуть здесь, Ник! – крикнул Уорд, но я быстро спустился по импровизированной лестнице и зашагал к лесу, прежде чем он успел меня остановить.

На самом деле я хотел взглянуть на Харпер. Уже миновал полдень, а я все еще продолжал думать об этой женщине. Не обращая внимания на крики Боба, который был явно не из тех, кто быстро сдается, я скрылся среди деревьев в густом лесу.

По дороге к озеру я пытался понять, почему так и не появились спасатели. Даже если мы упали в отдаленной части Англии, наш костер, вне всякого сомнения, засекли бы спутники. Или вертолеты увидели бы столб дыма. Впрочем, я решил, что начну беспокоиться об этом завтра утром. В любом случае я мало что мог сделать, а значит, следовало сосредоточить внимание на тех, кому удалось выжить. Тепло, еда и медицинская помощь могли оказаться для некоторых пассажиров решающими факторами.

Глава 8

Харпер

Прошлой ночью я родила носорога. Но не обычного, а беременного близнецами. И с тремя рогами. Рогов было многовато. Я произвела на свет носорога с тремя рогами, беременного близнецами.

Я радовалась, что могу дышать, но мне по-прежнему не нравилось, что каждый мой вдох сопровождается болью, и я решила, что буду лежать, пока мне не станет легче. Однако было в моем положении и хорошее: я не сомневалась, что за это время обязательно похудею. Я совсем не хотела есть и даже не могла представить, какие мучения мне придется пережить, если я соберусь проглотить хоть маленький кусочек.

Лежа у костра, спеленатая, как младенец, я была уверена, что выберусь из своего кокона гораздо более стройной, остроумной и совершенно здоровой. Как феникс, восстающий из пепла, готовый воспарить над озером под пронзительный крик, восславляющий свободу и приводящий всех в трепет, прежде чем вернуться к своей жалкой жизни.

* * *

Приходила доктор. Она вела себя гораздо суровее, чем вчера. Разговаривала сухо, только по делу и немного занудно. И, хотя ей следовало бы научиться быть мягче с пациентами, она показалась мне умной. Врач рассказала мне, что произошло, и добавила, что дала обезболивающие таблетки после того, как меня

вытащили из воды. Я этого не помню, но она сказала, что они могут вызывать диковинные сны и путаницу в мыслях (я не стала говорить ей про носорога и феникса, решив, что, с точки зрения медицины, они не важны).

Больше всего доктора беспокоила моя нога с ужасной рваной раной, которую я получила, когда зацепилась за что-то в самолете. Доктор перебинтовала ее и сказала, что должна постоянно за нею наблюдать.

Единственное, что я помнила после вчерашней ночи, – это эйфория от того, что мне удалось спасти нескольких человек, особенно детей, которых я вынесла сама. А потом еще холод и руки Ника, который меня куда-то тянул… и больше ничего.

* * *

Когда я проснулась, это было ужасно, потому что болеутоляющие перестали действовать. Ник прислал еды, но я не могла есть и отдала все другим пассажирам. Я хотела спать.

* * *

Несколько минут назад мимо меня прошла девочка-индианка лет двенадцати, та самая, в футболке «Мир Диснея».

Мне стало так хорошо, что я смогла встать и решила немного погулять. Моя правая нога вела себя не так чтобы очень хорошо: с каждым шагом все тело наполняла боль, но довольно скоро она стала вполне терпимой.

Днем было не так холодно, как ночью, но в целом стоять оказалось больнее, чем лежать.

Что делать? Люди по большей части старались держаться вместе, но почти никто не разговаривал. Некоторые молча носили ветки из леса, чтобы поддерживать огонь в умирающем костре, и я решила, что это дело не хуже любого другого.

Пройдя примерно сто футов в глубь леса, я услышала голос, который узнала и который ненавидела.

– Не беспокойся, – сказал Грейсон в своей отвратительной снисходительной манере. – Я достану тебя, когда ты будешь меньше всего этого ожидать.

– Я и сейчас не ожидаю, – прозвучал спокойный ответ Ника.

Я подошла ближе и увидела их обоих. Стоун был совершенно измучен: черные круги залегли у него под глазами, взгляд которых был таким жестким, какого я у этого человека до сих пор не видела. Грейсон держал в руке большую палку, но стоял ко мне спиной и лицом к Нику.

Я сделала шаг в их сторону, и у меня под ногой хрустнула ветка. Подняв глаза, я увидела, что оба мужчины смотрят на меня.

– Господи, ты как вирус! – заявил Шоу. – От тебя невозможно избавиться. – Он замолчал, дожидаясь ответа, но я молчала. – Бьюсь об заклад, тебе все это нравится. Лучшее, что случилось в твоей жизни, верно?

– Ты как? – спросил Ник, взглянув на меня.

– Нормально – отозвалась я. – А ты?

– Все хорошо.

– О, ради всех святых! Извините, но меня сейчас от вас стошнит! – Грейсон промаршировал мимо меня. – Скажи своему дружку, Харпер, чтобы спал с одним открытым глазом.

Через несколько секунд я услышала, как он швырнул палку в костер.

Стоун стоял передо мной с серьезным, напряженным лицом, и мне стало интересно, что между ними произошло.

– Я виноват в том, что случилось с тобою ночью, – сказал Ник. – Я заставил тебя туда пойти.

– Ничего подобного! – запротестовала я.

– Нет, виноват. Если бы с тобою что-нибудь случилось…

– Послушай, если бы мне пришлось сделать это еще раз, я бы снова поплыла туда не задумываясь, даже если б не проснулась сегодня утром возле костра! Я видела детей, которых вытащила из самолета. Риск того стоил. Для меня – стоил.

Стоун кивнул, глядя себе под ноги. Его лицо оставалось серьезным, но я видела, что напряжение начало отступать, и у меня возникло ощущение, будто мимо меня пронесся поток холодного воздуха.

– Что у тебя болит? – спросил он.

– Всё. У меня болит всё тело.

Он улыбнулся, выдохнул и впервые за все время рассмеялся:

– У меня тоже!..

Ник рассказал о последних событиях, когда мы возвращались к костру, собирая ветки, лежавшие на земле. Ни у кого не работали мобильные телефоны, что было странно, но в принципе возможно в сельской Англии. Стоун попытался попасть в кабину самолета, но у него ничего не вышло. Он считал, что пилоты погибли: ему удалось заглянуть внутрь плотно закрытой кабины, которая оказалась смертельной ловушкой для сидевших там летчиков. Бедняги…

У костра я настояла, чтобы он взял одно из моих одеял. Ник сначала возражал, но в конце концов сдался. Потом мы некоторое время сидели молча, хотя я отчаянно хотела спросить его, откуда он и чем зарабатывает на жизнь. И вообще мне было интересно, каков Ник Стоун в обычных обстоятельствах, когда не спасает пассажиров с потерпевшего крушение самолета, который упал в ледяное озеро. Я никогда в жизни не встречала похожих на него людей. Создавалось впечатление, что его доставили на планету Земля из какого-то другого места, где не было человеческих слабостей и недостатков.

Я уже собралась задать первый вопрос, который повторила в уме примерно девять раз, когда кто-то пробежал мимо нас и чуть не налетел на Ника.

Оказалось, что это Майк, парень в зеленой футболке с надписью «Селтикс». Он посмотрел на Стоуна и, задыхаясь, выпалил:

– Мы… вошли.

Глава 9

Харпер

Я с огромным трудом поспевала за Ником и Майком, когда мы шли по лесу. Температура воздуха падала, а боль в ноге становилась все сильнее.

Когда мы добрались до носовой части самолета, мои спутники начали взбираться по сваленному в кучу багажу и обломкам самолета, превращенным в подобие лестницы. Стоун остановился наверху и протянул мне руку – совсем как ночью на озере.

Я неуклюже полезла за ними, и Ник схватил меня за руку и подтащил к порогу. Я налетела на него, и волна жуткой боли окатила все мое тело, но я ни на секунду об этом не пожалела.

Два других спасателя из нашего отряда – их имена я забыла – были уже там вместе с каким-то не знакомым мне мужчиной, невысоким, лысым и одетым в черный свитер. Он скептически посмотрел на меня поверх крошечных круглых очков, как будто хотел спросить, кто пригласил девочку в домик на дереве, построенный из обломков самолета, куда допускаются только мальчики.

– Харпер, это Боб Уорд, – представил его Ник. – И ты ведь помнишь Уатта и Сета, они ночью были с нами в самолете.

Мы принялись кивать друг другу и пожимать руки, а потом все разом повернулись к первому ряду кресел, на котором лежал мужчина в форме пилота.

На лице у него засохла кровь.

Боб шагнул вперед, опустился рядом с ним на колени и махнул рукой в сторону Ника.

– Делан, пришел Ник Стоун, – заговорил он, и его официальный тон в других обстоятельствах показался бы мне смешным. – Он занимается тем, что старается поддерживать порядок на земле. Я хочу, чтобы вы повторили ему то, что рассказали нам.

Летчик повернул голову, пытаясь выделить Стоуна из нашей группы. У него было такое бледное и распухшее лицо, что я с трудом разглядела белки глаз, однако он сумел заговорить – очень тихо, почти шепотом:

– Связь прервалась примерно на половине пути, где-то над Атлантикой.

Ник поднял руку:

– Подождите, пожалуйста, минутку.

Мне стало интересно, что он задумал. Наш лидер прошел в бизнес-класс и остановился около молодого азиата, который, точно маньяк, что-то печатал на лэптопе. Они коротко переговорили, после чего азиат встал и последовал за Стоуном к пилоту.

– Пожалуйста, продолжайте, – сказал Ник летчику, глядя на азиата.

– Как я уже сказал, связь прервалась над Атлантикой, но мы продолжали удерживаться на намеченном курсе, – стал рассказывать тот. – Капитан летал по нему три года, я – шесть месяцев. Радар работал, но все остальное отключилось. Мы примерно знали, где находились, но чувствовали себя странно, оказавшись в полной темноте и тишине. Капитан сказал, что проблема не в самолете, но такое было невозможно. В конце концов примерно за два часа до обозначенного в полетном плане времени посадки мы получили радиосигнал службы транспортного контроля Хитроу. Они сообщили нам, что возникла глобальная проблема со связью и что нас поведут вслепую. И добавили, что проблем с приземлением не будет, но нам следует снизиться до семи тысяч футов из

соображений безопасности. Мы потеряли в скорости, но выполнили их указания. А потом все случилось практически одновременно…

– Взрыв? – уточнил его Боб.

– Да, первый.

– Он произошел над вами?

– Нет, сзади, как мне кажется. Или вокруг. Я не знаю. Мы нырнули вниз, попытавшись от него уйти.

– И тогда произошел еще один взрыв? – Голос Уорда звучал взволнованно, словно он ждал чего-то необычного.

– Там было что-то еще, только я не знаю что. Серия взрывных волн, которые швыряли нас из стороны в сторону. Я никогда не видел ничего подобного. Мы активировали посадочное оборудование и спустились еще ниже, пытаясь сбросить скорость и приготовившись к худшему. Мы решили, что попали в эпицентр мощного урагана, от которого нам не спастись. Дальше все происходило, будто в тумане. Мы продолжали снижаться, чтобы уйти от урагана, но ничего не получилось, и он нас поймал.

Ник продолжал смотреть на азиата с лэптопом, у которого на лице не дрогнул ни один мускул: он вообще был похож на каменную статую. А я не могла понять, что происходит. Пока я спала, появилось множество загадок, и они продолжали накапливаться.

– Что вы об этом думаете? – спросил Стоун у азиата.

Тот, не глядя Нику в глаза, заговорил ровным, спокойным голосом:

– Я уже сказал, что ничего не знаю. Но складывается впечатление, что связь перестала работать во время урагана и мы потерпели крушение. Я уже могу вернуться на свое место?

– Вас никто не держит.

Азиат вернулся к своему креслу и, оглянувшись в последний раз через плечо на Стоуна, плюхнулся в него и снова начал печатать.

Ник поблагодарил пилота и отправился в кухню, находившуюся между салоном первого класса и кабиной пилотов. Врач Сабрина, которая пришла от озера, начала осматривать летчика.

– Ты ему веришь? – спросил Боб у Стоуна, и я уловила в его голосе скепсис.

Ник секунду смотрел на него, как будто ждал, что он возьмет свои слова назад.

– Да, верю, – сказал он наконец.

Уорд кивнул – немного театрально, как будто был детективом из телесериала, который наконец решил поверить в историю своего информатора.

– Командир корабля мертв, так что у нас нет свидетеля, который мог бы подтвердить слова второго пилота, – ну, если не считать нас самих. Мы попробовали включить радио, но оно не работает.

– Хорошо. Думаю, нам нужно лечь спать и подождать спасателей. Если к утру никто не появится, будем решать, что делать, – ответил Ник.

– Ты забыл самое главное, – сказал Боб, в голосе которого внезапно появился страх.

– Так… И что же я забыл?

– Оружие. – Уорд сбегал в кабину пилотов и вернулся с пистолетом, держа его за дуло, точно пойманную на выходных рыбу.

– Положи обратно! – резко велел Стоун. – И принеси мне ключ.

Боб что-то пробормотал, но вернулся с ключом, который вложил в ладонь Ника.

– Там четыре пистолета. Один для каждого из вас. – Он кивнул на Стоуна и парней, пришедших от озера. – Я с оружием не дружу.

– Мы не будем их брать, – покачал головой Ник. – Нам нужно спать, и кто-нибудь может забрать их у нас во сне. Это слишком опасно. И его тоже, – добавил он, посмотрев на ключ, и протянул его мне. – Они знают, что мы впятером побывали в кабине.

Я засунула ключ в карман своих плотных джинсов и могла бы поклясться, что ощутила, как от него исходит тепло. Я почувствовала себя Фродо Бэггинсом из «Властелина колец», ведь у меня в руках был ключ к жизни тех, кому удалось спастись во время крушения нашего самолета! Еще одна тяжелая ноша, хотя и не такая страшная, как РЕШЕНИЕ.

Солнце уже садилось, когда мы с Ником шли через лес к лагерю у озера. Мы оба молчали, но мысленно я повторяла вопросы, которые хотела бы ему задать. Например, чем он занимался в обычной жизни. Господи, кого я пыталась обмануть? Я хотела как-нибудь завуалированно спросить его о том, что интересовало меня больше всего: есть ли в жизни Ника Стоуна женщина? Ждет ли его дома малышка миссис Ник Стоун? Или бездушная, слишком тощая, помешанная на модных тряпках, фальшивая, точно Санта-Клаус, подружка. Я считала, что это было бы нечестно. У меня жутко болела нога. Единственное оправдание…

Добравшись до костра, мы устроились поудобнее и стали наблюдать за солнцем, которое медленно опускалось к горизонту. И тогда я решилась на свои вопросы, разумеется, с самым равнодушным видом:

– Откуда ты, Ник?

– Из самых разных мест. А ты?

– Я выросла в маленьком городке в Англии, но сейчас живу в Лондоне.

– Как ты думаешь, это Англия? – Мой собеседник обвел рукой лес и озеро.

– Да, немного похоже.

– Мне тоже так кажется. – Стоун расслабился и натянул одеяло до подбородка. – Я смертельно устал, Харпер. Увидимся утром.

Он заснул за несколько секунд, а я вспомнила слова Грейсона Шоу: «Скажи своему дружку, Харпер, чтобы спал с одним открытым глазом».

Я легла между Ником и костром и стала смотреть на звезды. Мне не удавалось уснуть: я выспалась днем, но дело было не в этом. Если честно, прошло много времени с тех пор, как я лежала рядом с мужчиной, который нравился бы мне так, как Ник Стоун.

Глава 10

Ник

Я ожидал, что проснусь от шума вертолетов и мерцания огней и увижу спасателей-англичан, задающих стандартные вопросы: «Как вы себя чувствуете?» или «Давайте-ка посмотрим, что тут у нас…».

Но ничего подобного не произошло. Сырой берег сине-зеленого озера выглядел точно так же, как вчера вечером: люди, закутавшиеся в одеяла, лежали по кругу около почти погасшего костра, и лишь несколько человек не спали и о чем-то тихонько переговаривались.

Я встал на колени и перебрался через Харпер, которая крепко спала, повернувшись лицом к костру, – я ни за какие сокровища на свете не стал бы ее будить.

Прошло больше тридцати шести часов после катастрофы, и кто-то обязательно должен был здесь появиться.

* * *

Около носовой части самолета у меня возникло ощущение дежавю. Я заметил Грейсона Шоу, но на сей раз он не выступал, а сидел в стороне, несчастный и потрепанный. Судя по всему, у него закончился запас алкоголя. Но я знал, что это может сделать его еще более опасным.

Запас еды в носовом отсеке закончился вчера вечером, но я так устал, что не обратил на это внимания. Тут и там слышались возмущенные голоса: люди говорили, что еду украли, и требовали устроить обыск в лагере и перераспределить продукты.

– Я готов прикончить кого-нибудь ради диетической «Колы», – сказал тощий мужчина в деловом костюме.

Я решил проверить запас напитков, если останусь в живых.

Джиллиан досталось больше всего – люди вокруг поносили ее, что-то требовали и возмущались, как будто это был обычный рейс и она плохо их обслуживала. Хотя на самом деле стюардесса стала такой же, как и они, – одной из тех, кому посчастливилось остаться в живых после крушения самолета. Но форма автоматически делала ее человеком, раздающим еду.

Когда Джиллиан увидела меня, на лице у нее появилось облегчение.

– Помощь пришла, – сказала она, после чего бросилась ко мне и, схватив меня обеими руками за запястье, подтащила к подножию импровизированной лестницы, а потом повернулась лицом к толпе.

Я увидел Боба и Сабрину – они стояли с серьезными лицами, но дружно кивнули мне, попытавшись поддержать.

Люди в толпе притихли, принялись пихать друг друга и тихонько переговариваться:

– Это он!

– Да, тот парень с озера.

– Ладно, – сказал я. – Мы добудем еду, но на это потребуется время.

– Еда нужна нам сейчас! – крикнула женщина в перепачканном грязью свитере.

– Сейчас у нас ничего нет, это понятно? – Я посмотрел на нее в упор. – Послушайте, мы должны действовать заодно. Если будем помогать друг другу, у нас будет еда. Если нет, нам придется голодать.

Я зря произнес слово «голодать». Толпа подхватила его, и оно заметалось среди людей, набирая силу и наполняясь страхом, пока не превратилось в ритмичное скандирование. Мне потребовалось несколько минут, чтобы исправить эту ошибку и снова привлечь их внимание.

– И как мы добудем еду? – спросил тучный мужчина с ярко выраженным акцентом жителя Нью-Йорка.

И правда, как? Так далеко я еще не планировал. Но я прекрасно понимал, чем это может закончиться. Если я позволю толпе взять верх и не заставлю замолчать паникеров и злопыхателей, ругань будет продолжаться до заката солнца, и мы останемся голодными, так и не приняв никакого решения. Значит, мне требовался план, и немедленно.

Кроме самых фантастических вариантов, оставалось два реальных: другая часть самолета и рыба из озера. Возможно, нам удалось бы убить какого-нибудь зверя в лесу, но, учитывая, что нужно было накормить сто человек, это вряд ли нам помогло бы. Если только… рядом нет какой-нибудь фермы.

– Хорошо, шаг номер один, – сказал я максимально уверенно. – Мы сделаем опись.

– Опись? – переспросил кто-то из толпы.

– Да. – Я показал на Джиллиан – бедняжку Джиллиан! – и Боба Уорда, который расправил плечи и нацепил на лицо выражение спасителя людей. По крайней мере, этот человек получал удовольствие от происходящего. – Джиллиан и Боб подойдут к каждому и выяснят, что у вас было в багаже и ручной клади и на каком месте вы сидели… или, что важнее, на какой багажной полке лежали

ваши вещи. Вспомните все, что может оказаться полезным, особенно еду. Подойдите ко мне прямо сейчас, если у вас есть с собой рыболовные снасти или снаряжение для подводного плавания – гидрокостюм или ласты с трубкой.

Обрюзгший тип лет сорока повернулся к толпе:

– Эй, приятель, в Нью-Йорке в ноябре ласты и трубка ни к чему!

Кто-то рассмеялся, а этот тип ухмыльнулся, глядя на меня и дожидаясь, что я скажу.

Я знал таких, как он, и мне очень хотелось хорошенько ему врезать, но я не мог себе позволить завести еще одного врага. Поэтому я решил не сворачивать с выбранного пути:

– Это правда. Но я подумал о тех, кто возвращался домой с Карибских островов, о пассажирах, которые летали туда в отпуск, чтобы понырять и поплавать. Аэропорт Кеннеди является центральным перевалочным пунктом для международных рейсов. Или, может быть, кто-то направлялся на Средиземное море через Хитроу. Я подумал, а вдруг нам повезет?

Джиллиан занялась опросом, но Боб остался на месте.

– Ты собираешься нырять в озеро за продуктами и другими припасами? – уточнил он у меня.

– Да, мне представляется, что это разумный шаг.

– Согласен, но тут есть одна проблема. – Уорд сделал драматическую паузу, и у меня сложилось впечатление, что ему очень нравится говорить «тут есть проблема», а потом замолкать.

– И какая?

– Весь зарегистрированный багаж находится в УКГ-три.

– УКГ-три? А это еще что такое?

– Устройство комплектования грузов.

«И почему было сразу так не сказать?» – фыркнул я про себя, но вслух об этом говорить не стал.

– Я не знаю, что это такое, Боб, – сказал я вместо этого.

– Металлические ящики, в которых находится наш багаж. На маленьких самолетах чемоданы и сумки просто складывают в грузовом отсеке. Но на больших, таких, как наш злополучный «Боинг», их помещают в устройства комплектования, которые затем перевозят на самолет. Благодаря этой системе они могут загрузить больше багажа и обеспечить его сохранность. На «Боинг 777» помещается до тридцати двух таких ящиков и, возможно, двенадцать платформ для перевозки грузов. Точно я не помню.

– Платформ?

– Ну да, с едой, напитками и все такое.

– И что все это значит? – спросил я.

– УКГ расставлены на расстоянии друг от друга по всей длине до самого хвоста. Так что, даже если мы сможем нырнуть в озеро, найти их будет трудно. Возможно, удастся натолкнуться на первые два, но вытащить наружу или добраться до тех, что за ними, нереально. Итак, вывод: мы не можем рассчитывать на то, что находится в нашем багаже.

– Хорошо, что ты нас предупредил.

Получалось, что нужно было придумать что-то другое.

– Я поговорю с Джиллиан и пилотом, попытаюсь выяснить, где могли находиться платформы, – предложил Уорд. – Если они возле того места, где развалился самолет, или здесь, в носу, возможно, нам повезет, и мы сможем их достать.

– Хорошо, спасибо, Боб.

Боб Уорд? Назойливый и раздражающий? Да. Полезный? Тоже да.

Тут в наш разговор вмешалась доктор Шредер, на лице которой застыло выражение типа: «Случилось нечто совершенно ужасное, мистер Стоун». «Может быть, она всегда так выглядит?» – пришло мне вдруг в голову.

– Привет, Сабрина, – сказал я, взяв себя в руки.

– Нам нужно построить укрытие, – сразу же перешла она к делу.

По крайней мере, хоть кто-то об этом заговорил!

– Зачем? – уточнил я.

– Большинство пассажиров пострадали от легкого переохлаждения в первую ночь. Некоторые – такие как вы и мисс Лейн – представляют собой случай переохлаждения средней тяжести. Сегодня утром я заметила тенденцию: половина пассажиров простужена. Если они останутся на открытом воздухе, болезнь будет прогрессировать. Если пойдет дождь, следует ждать серьезных проблем. Например, бактериальной инфекции или пневмонии, и очень скоро. Как минимум, я бы хотела переправить всех, у кого слабая иммунная система, – пожилых людей, а также тех, кто принимает иммунодепрессанты, которые назначают при аутоиммунных заболеваниях, – в носовой отсек и закрыть его каким-нибудь способом.

– Хорошо. Мне нужно попросить кого-нибудь проверить деревья, которые поддерживают самолет. Вчера носовая часть немного сдвинулась, и, если она упадет из-за дополнительного веса, у нас появятся новые проблемы. Я вернусь вечером, и мы решим, что делать дальше.

– А куда вы сейчас?

– Кто-то должен разведать территорию вокруг, поискать еду, возможно, помощь – или более надежное укрытие.

Медичка широко раскрыла от удивления глаза и заявила:

– Вы не можете уйти!

– Почему?

– Без вас тут разразится хаос.

Я смотрел на нее, не зная, что сказать. Возможно, она была права. Это меня беспокоило, но одновременно рождало ощущение, которого я не испытывал уже довольно давно: удовлетворение. Я делал то, что должен был делать: помогал людям выжить, – и уже много лет не переживал подобных эмоций.

* * *

Хорошая новость! Боб нашел поддон с едой в носовой части. Его несколько раз швырнуло на стены и покорежило, но из него удалось добыть достаточно продуктов на две трапезы. Настроение у всех сразу улучшилось, и жалобные стоны временно стихли.

Сабрина попросила добавить в опись багажа медикаменты, особенно антибиотики, но до сих пор опрос не дал ничего серьезного. Выяснилось, что кто-то вез с собой рыболовные снасти и двое пассажиров имели ласты и маски, но все это находилось на дне озера в металлических контейнерах. Я выбрал двоих парней, которые поплыли со мной в заднюю часть самолета, но они не захотели нырять, чтобы изучить обломки, – и должен сказать, что я их не винил. Я отправил их с другими пассажирами, которые еще находились в приличной форме, на разведку окрестностей. Они ушли несколько часов назад – четыре группы по три человека – в четыре разные стороны. Я сказал им, что, если они найдут что-нибудь или кого-нибудь, им нужно будет сразу вернуться в лагерь. И в любом случае они должны были отправиться в обратный путь до полудня, даже если удача не будет им сопутствовать, чтобы быть в лагере к заходу солнца. Я рассчитывал, что мы к тому времени будем знать значительно больше.

* * *

Харпер заболела. Бедняжка проснулась с сильным кашлем, головной болью и небольшой температурой. Она клялась, что все в порядке, но ее состояние

вызвало у Сабрины беспокойство, и доктор перевела ее, несмотря на все протесты, в носовое отделение самолета.

Я проверил деревья, которые удерживали заднюю часть: вся конструкция по-прежнему казалась мне ненадежной, но другого варианта у нас не было.

У открытого конца мы повесили голубые одеяла, но они не слишком защищали от порывов ветра. Даже днем там было холоднее, чем у костра возле озера, но я не сомневался, что ночью, после того как Шредер отправит туда достаточное количество людей, станет заметно лучше.

Таинственный азиат – Юл Тан – придумал решение получше: предложил построить стену. Они с Сабриной собрали ручную кладь из бизнес- и первого класса и сложили ее перед дырой до самого потолка, затыкая щели и отверстия сдувшимися спасательными жилетами. Выглядело это сооружение довольно странно, но роль свою сыграло.

Харпер села на свое место в первом классе, 1Д, и разложила кресло.

– Я чувствую себя совершенно бесполезной, – сказала она и закашлялась.

– В данный момент от нас всех мало пользы. Мы можем только ждать. Но мы скоро отсюда выберемся, – заверил я ее.

– Ты действительно в это веришь?

– Конечно, – автоматически ответил я, прогнав все сомнения из своего голоса, потому что в тот момент не мог сказать ничего другого.

Прошла минута. Мы оба молчали, наблюдая, как другие пассажиры шли друг за другом, кашляя и пытаясь найти место, чтобы лечь.

– Итак, чем же все-таки зарабатывает себе на жизнь разносторонний Ник Стоун, когда не спасает пассажиров с потерпевшего крушение самолета? – поинтересовалась мисс Лейн.

– Я? – Я несколько мгновений колебался, пытаясь решить, что ответить. – Ничего… столь же увлекательного, как спасение пассажиров с потерпевшего крушение самолета. А ты чем занимаешься?

– Я писательница.

– Правда? Я читал что-нибудь из твоих книг?

Женщина опустила глаза и то ли рассмеялась, то ли закашлялась:

– Вполне возможно. Я написала шесть книг, но ни на одной из них нет моего имени, и мне запрещено их обсуждать.

Я попытался понять, что она имела в виду, почувствовав, что для нее это больное место. Но, не успев задать вопрос, я заметил краем глаза, что кто-то машет мне рукой, и увидел Майка, стоявшего у подножия лестницы. Два других парня, которые отправились на разведку вместе с ним, находились рядом с ним и выглядели невероятно измученными. Они тяжело дышали, согнувшись пополам и уперев руки в колени. То, что с ними произошло, заставило их, не теряя времени, броситься назад, в лагерь.

Через четыре секунды я уже был около них:

– Вы что-то обнаружили?

– Угу. – Майк с трудом сглотнул. Я видел, что он взволнован и одновременно напуган. – Мы кое-что нашли.

Глава 11

Ник

Прошлой ночью я почти не спал – мне никак не удавалось прогнать из своего сознания фотографию, которую сделал Майк: восьмиугольное сооружение из

стекла и сверкающего металла, стоящее посреди поля. К нему не вело ни дорог, ни тропинок, а кроме того, нигде не было машин и вообще ничего, что указывало бы на то, что находилось внутри. Диковинное строение напоминало мираж, возникший в море высокой зеленой травы.

Майк снял его с горной гряды, находившейся довольно далеко, а потом вместе с товарищами помчался назад, в лагерь. Мы так и не смогли понять, что это такое, но, ради замерзавших голодных пассажиров рейса номер триста пять, я очень надеялся, что внутри полно еды. Да и спутниковый телефон, который помог бы нам выбраться из этой переделки, тоже не помешал бы. Наше положение с каждым часом становилось все отчаяннее.

Я знал, что еды нам хватит только на утро, и не имел ни малейшего представления о том, как добыть еще, в особенности если учесть, что накормить нужно было сто четыре человека. Я попросил Джиллиан организовать поход в лес за орехами и ягодами, а также распределить людей по группам, которые будут следить за костром. Главным образом это было сделано для того, чтобы они занялись каким-то делом и не перегрызли друг другу глотки.

У нас было полно воды, но на этом положительные аспекты нашего положения заканчивались. Мы могли обойтись без еды пару дней или, возможно, немного дольше при определенных условиях, но я понимал, что после этого здесь разразится настоящий ад.

Мы решили, что на восходе солнца четыре отряда разведчиков возьмут оставшуюся еду на два дня на случай, если нам придется где-то разбить лагерь и заночевать. Таким образом мы сможем расширить зону поиска.

Майк здорово придумал взять с собой телефон, и я решил проследить, чтобы у каждого из разведчиков было с собою два мобильника – собственный, если у него еще не разрядилась батарейка, и еще один, взятый у кого-нибудь из пассажиров. Таким образом, на четыре группы по три человека нужно было двадцать четыре телефона. Аппараты от разных производителей и подключенные к разным мобильным сетям должны были максимизировать возможности приема сигнала.

Мы договорились, что разведчики будут останавливаться каждый час, включать телефоны и проверять, не появился ли сигнал, а также фотографировать все,

что покажется им интересным, любые ориентиры или знаки. Ландшафт, который описали вчера Майк и его товарищи – холмы, поросшие лесом, и кое-где луга, – мог находиться в любом месте Северной Европы, в Скандинавии или на Британских островах. Но я подумал, что, возможно, разведчикам удастся снять что-нибудь такое, что покажется знакомым кому-то из пассажиров. И тогда мы смогли бы понять, куда следует двигаться и как далеко находится помощь.

На противоположном берегу озера над верхушками деревьев появились первые лучи солнца. Я немного посидел, наблюдая, как мое дыхание превращается в холодном утреннем воздухе в белые облачка, а потом встал и направился в сторону леса.

Боб Уорд ждал меня около импровизированной лестницы, которая вела в носовую часть самолета.

– Я иду с вами, – объявил он.

– Нет, не идешь, Боб, – возразил я и зашагал быстрее, постаравшись обойти его. Однако он преградил мне дорогу.

– Ты же видел фотографию, которую сделал Майк. Там может быть все что угодно. Я нужен тебе, Ник.

Я решил, что пришла пора прекратить разводить церемонии. Мне совсем этого не хотелось, но речь шла о жизни ста четырех человек, и у нас было мало времени.

– Здесь полно дел, Боб. А мы отправляемся в очень тяжелый поход и не сможем останавливаться из-за того, кто не сможет выдерживать темп и нагрузки, – сказал я ему прямо.

– Я смогу.

К сожалению, я в этом сильно сомневался. Уорду было лет шестьдесят, а я даже за себя не мог с уверенностью сказать, смогу ли удерживаться рядом с Майком, который был лет на десять моложе меня и в лучшей физической форме.

Я выдохнул и попытался привести доводы логики:

– Послушай, если ты отстанешь до полудня, то не сможешь вернуться в лагерь до полуночи, а значит, останешься на всю ночь на открытом воздухе и на холоде. Учитывая, что у тебя не будет еды…

– Я все понимаю, Ник. Если я не смогу выдерживать ваш темп, вы оставите меня в лесу. Я прекрасно понимаю, как высоки ставки. Когда мы выходим?

Я ничего не мог сделать, чтобы остановить его, и понимал, что терять время на пустые пререкания нельзя, поэтому покачал головой, сдаваясь:

– Прямо сейчас. Позови Майка, и мы пойдем.

Забравшись внутрь самолета, я опустился на колени рядом с разложенным креслом Харпер. Она спала или находилась без сознания. Я тихонько потряс ее, но она не очнулась. Ее волосы и рубашка промокли от пота, и я стер его с ее лба и убрал волосы с лица. У женщины был сильный жар: я понял, что она серьезно больна, и мне стало страшно. Наконец, усилием воли я заставил себя подняться и отвернулся.

Сабрина в конце самолета о чем-то тихонько разговаривала с Юлом.

– Вы видели Харпер? – спросил я.

– Да, – ответила врач, поднимая на меня глаза.

– И какие прогнозы? Как вы ее лечите?

– В настоящий момент я слежу за ее состоянием.

– И всё?

– У нее инфекция. Я намерена выяснить, сможет ли организм сам с нею справиться.

– Не вызывает сомнений, что он с нею не справляется, – я изо всех сил старался говорить спокойно. – Вы видели ее сегодня утром? У нее сильный жар.

– Это положительный знак, который указывает на то, что иммунная система сражается с инфекцией.

– И терпит поражение. Харпер с каждым днем становится все хуже. Она даже не отреагировала, когда я ее потряс. Ей нужны антибиотики.

Сабрина подошла ближе и заговорила шепотом:

– Антибиотики почти закончились. Я берегу их для критических случаев.

– Харпер как раз и есть критический случай.

– Я имела в виду угрозу для жизни.

– Ее жизни ничто не угрожало бы, она бы даже не заболела, если б не пошла в самолет, чтобы спасти застрявших там людей. Мы ее должники. Что подумают остальные, если она умрет? Ты рискуешь собою ради других, но тебя оставляют умирать? Это опасно, Сабрина.

– Если я дам ей антибиотик сегодня, когда в этом нет абсолютной необходимости, то, возможно, тем самым подпишу чей-то смертный приговор. Я иду на логичный и оправданный риск, чтобы спасти как можно больше жизней. Мне представляется, что вы знакомы с этим понятием, – по крайней мере, на озере вы вели себя в соответствии с ним.

– Вам когда-нибудь говорили, что вы та еще штучка, Сабрина?

– Вы не в состоянии посмотреть на ситуацию объективно, потому что у вас возникла эмоциональная связь с мисс Лейн…

– Неужели вам знакомо понятие эмоциональной связи с другими людьми? Или вы читали об этом в каком-нибудь журнале?

– Ваше предвзятое отношение совершенно очевидно. Состояние Уильяма Бойда с места 4Д внушает гораздо более серьезные опасения, чем состояние мисс Лейн. Но вы про него не спросили.

– Уильям Бойд не находился в утонувшей части самолета. А Харпер там была и чуть не ушла вместе с нею на дно.

– Он стоял в воде, в цепочке, которая передавала людей на берег. Но я говорю не о его роли в операции по спасению пассажиров. Вы не спросили про мистера Бойда, потому что у вас нет с ним эмоциональной связи. Вы необъективны, Ник. В отличие от меня. На самом деле, по причинам, которые вы только что озвучили, я имею почти уникальную квалификацию, позволяющую мне принимать логические и абсолютно неэмоциональные решения, связанные с лечением людей, и таким образом я получаю возможность спасти максимальное количество жизней.

– Дайте мне антибиотик, – потребовал я.

Шредер поджала губы и уставилась в пол.

– Вы меня слышали. Дайте антибиотик, Сабрина, – повторил я чуть громче.

– Вы мне угрожаете?

– Проклятье, вы совершенно правы, я вам угрожаю! От вас зависит жизнь человека, который мне небезразличен и перед которым мы все в неоплатном долгу, и я не допущу, чтобы из-за вас она умерла. Можете играть в свои дурацкие медицинские игры с кем-нибудь другим.

– Я знала, что этот момент наступит, но не ожидала, что угрожать мне будете вы. Я спрятала антибиотики и все лекарства.

Разумеется, она их спрятала. Я пришел в такую ярость, что перед глазами у меня появилась алая пелена. Но уже в следующее мгновение гнев улетучился, и ему на смену пришло сосредоточенное, безжалостное спокойствие.

Я развернулся и зашагал по проходу мимо Боба, рядом с которым стоял Майк.

– Мы готовы, Ник, – сказал он, но я даже не посмотрел в его сторону.

Я опустился на колени рядом с Харпер, засунул руку в карман ее промокших от пота джинсов и достал оттуда ключ, который дал ей накануне. В кабине пилотов я открыл ящик, откинул крышку и увидел там лежавшие как попало четыре пистолета.

Стрелять я научился еще в детстве: для ребенка, который рос так, как я, похищение детей являлось постоянной и совершенно реальной угрозой.

Я достал верхний пистолет и взвесил его в руке, сказав себе, что мне нужно его почувствовать и что я смогу сделать то, что задумал. И все же, сидя на корточках перед ящиком с оружием и держа пистолет, я понимал, что не способен на это. Вот что забавно: ты можешь легко представить себе, как совершаешь акт насилия, нечто полностью выходящее за рамки твоих представлений о морали, но, когда тебе в руки попадает средство, с помощью которого ты можешь исполнить задуманное, и твое решение становится реальным – только тогда ты понимаешь, на что действительно способен. Сам я способен не был и не знал, говорило это в мою пользу или нет.

Я очень надеялся, что помощь скоро подоспеет и мы будем спасены.

Засунув три остальных пистолета в карманы, я захлопнул крышку и, держа ключ в руке, несколько мгновений постоял около ящика, принимая другое решение, которое вполне вписывалось в мои представления о том, что хорошо, а что плохо.

Сабрина напряглась, когда я подошел к ней, но я просто протянул ей ключ.

– В кабине стоит ящик, который можно запереть. Вполне подходящее место для лекарств – находится рядом и защищено от внешних воздействий. Ключ только один – этот.

Шредер молча взяла ключ, посмотрев на меня холодными черными глазами, в которых я не увидел никаких эмоций.

– На случай, если это как-то повлияет на ваши математические расчеты, я должен сказать вот что: вы совершенно правы, у меня возникла эмоциональная связь с Харпер, – продолжил я. – Если она умрет, я погружусь в состояние депрессии. Это психологическая проблема. Полагаю, по роду ваших занятий вы знакомы с этим понятием.

Затем я замолчал и стал ждать, вынуждая ее ответить.

– Знакома, – отозвалась врач.

– В своем депрессивном состоянии я не смогу оставаться лидером и обеспечивать выживание остальных пассажиров. Как вы сами заметили чуть раньше, без меня в лагере разразится хаос, который может привести к чьей-нибудь смерти.

Сабрина переводила взгляд с меня на Харпер и снова на меня, и мне показалось, что я вижу, как у нее в голове заработал биологический компьютер, который она называла мозгом.

– Ваши доводы приняты, – сказала она наконец.

Выйдя наружу, я передал пистолеты командирам разведывательных отрядов. Мы решили изменить направление движения на сорок пять градусов: получилось, что три группы пойдут на северо-восток, юго-восток и юго-запад. Мы же с Майком и Бобом отправились по уходившей на восток тропе к сооружению из стекла и стали. Мы шли быстро, стараясь не терять времени, потому что хотели добраться туда до полудня.

– Стреляйте, только если вам будет угрожать какое-нибудь злобное животное – берегите патроны на случай крайней необходимости, – проинструктировал я всех разведчиков. – Если вам не удастся найти помощь, завтра на обратном пути попытайтесь подстрелить какую-нибудь крупную дичь – оленя, лося или корову, если попадется. Иными словами, все, что сгодится для еды. После этого бегите в лагерь и приведите помощь, чтобы отнести вашу добычу. Вы все знаете, в каком положении мы находимся, и я не собираюсь произносить речей. Правда состоит в том, что, если завтра мы не вернемся с помощью или едой, люди начнут умирать. Пожилые и более слабые пассажиры станут голодать, а кроме того, некоторые из тех, кто остался в лагере, отчаянно нуждаются в лекарствах.

Значит, либо мы добьемся успеха, либо многие погибнут. Вот и всё. Удачи вам.

После этого все разошлись по своим направлениям, а мы с Майком и Бобом зашагали по тропинке через густой лес и покрывшиеся инеем поля. По мере того как поднималось солнце, высокая трава начала оттаивать, и у меня до колена промокли брюки. Утренний воздух был холодным, но мы шли быстро, и я не замерз.

Я шагал вперед, заставляя себя не думать про Харпер.

Каждый час мы останавливались, чтобы включить мобильные телефоны и сделать фотографии, но нам так и не удалось поймать сигнал или снять что-нибудь существенное. Все было, как рассказывал Майк: холмы, поля и лес, тянувшийся, казалось, до бесконечности. Мы смотрели по сторонам и вперед – и просто так, и в бинокль, который Боб вчера нашел в чьей-то ручной клади. Хотя бинокль нам почти не помогал.

Наконец мы добрались до гряды, с которой Майк сделал фотографию, и увидели восьмиугольное сооружение из стекла. Мне показалось, что оно находилось в десяти милях от того места, где мы стояли, и, как выяснилось позже, я не ошибся. Мы не стали останавливаться, чтобы перекусить, и пошли прямо к нему. Следовало отдать должное Уорду: он не отставал, хотя дышал заметно тяжелее, чем мы с Майком, и выглядел совершенно измученным. У меня возникло ощущение, будто с каждым часом Боб старел все больше, но, думаю, этот человек ни за что на свете не согласился бы пропустить такое приключение.

Примерно на полпути до странного здания, во время одной из остановок, которые мы делали каждый час, я посмотрел в бинокль по сторонам и кое-что заметил: каменный фермерский дом к югу и, возможно, еще один милях в десяти от него. Я постарался запомнить их местоположение, решив, что, если восьмиугольное строение окажется пустышкой, мы пойдем к дому. Несколько минут я рассматривал его, пытаясь отыскать там признаки жизни, но мне не удалось уловить даже намека на движение. Дом показался мне заброшенным.

Мы добрались до стеклянного сооружения, когда уже перевалило за полдень, и позже, чем я планировал. Вблизи оно оказалось значительно больше, чем когда мы смотрели на него с гряды: по меньшей мере пятьдесят футов в высоту и примерно триста в ширину. Стены были сделаны из матового стекла бело-

голубого оттенка, все остальное, как мне показалось, из алюминия.

Ни к нему, ни от него не вело ни тропинки, ни проселочной или асфальтовой дороги, что выглядело очень странным.

Мы обошли диковинное сооружение по периметру, пытаясь отыскать дверь, и примерно на полпути я услышал, как щелкнули запоры. В следующее мгновение вверх поднялась панель, и в то, что мы увидели по другую сторону матового стекла, просто невозможно было поверить.

Мы замерли на месте, широко раскрыв от изумления глаза.

Я знал это место, я был здесь всего один раз в жизни, но тот день остался в моей памяти как одно из самых ярких воспоминаний детства.

Мне тогда было восемь, и всю неделю до того, как я сюда отправился, я считал дни и часы до этого мгновения. Меня приводило в возбуждение не само это место, а то, что я ехал туда с отцом. Тогда он был послом США в Соединенном Королевстве, и мы мало времени проводили вместе. А в тот день я чувствовал особую близость с ним.

Для других детей, которые тоже поехали на экскурсию, доисторический памятник казался всего лишь кучей камней, разбросанных по полю. Стоунхендж не вызывал у них никакого интереса, однако для моего отца был не только историей, но и вдохновением, символом идеала. Примерно пять тысяч лет назад люди, построившие его, истекали кровью и по?том, отдавали жизнь ради того, чтобы сохранить свою культуру и свое видение мира и передать их будущим поколениям.

То, что эти люди создали Стоунхендж и часть его сохранилась до наших дней, чтобы дарить нам вдохновение и говорить с нами, пусть и загадками, отзывалось в душе моего отца. В тот день я понял, что в этом он видел свое назначение в роли дипломата. Отец строил свой собственный Стоунхендж – Америку, и особенно ее отношения с другими странами, – чтобы передать людям свое ви?дение лучшего человеческого общества на всем земном шаре, в центре которого находятся свобода и равенство. И дело было не в том, что он не любил меня или ему не нравилось проводить со мной время, – просто он считал свою работу важнее всего на свете.

Тогда, в восемь лет, стоя рядом с огромными камнями Стоунхенджа, я понял суть своих отношений с отцом, и это помогло мне избежать огромного количества мучительных переживаний в детстве. Мое открытие стало утешением, особенно в те минуты, когда я спрашивал себя, почему его никогда нет рядом, в то время как другие отцы так много внимания уделяют своим детям.

Но открытие, сделанное в детстве, бледнело по сравнению с тем, что я увидел теперь. Двадцать восемь лет назад я видел медленно разрушающиеся руины, которые неуклонно уничтожали время и вандалы: половина каменных столбов рассыпалась в прах, а часть лежала на земле. Но Стоунхендж, представший передо мною сейчас, выглядел так, будто его строительство закончилось вчера.

Глава 12

Харпер

Я чувствовала себя куском мяса в хрупкой оболочке из кожи, который кто-то решил сварить, чтобы приготовить суп.

Меня пожирала лихорадка. Три года назад я болела гриппом, а моя мама – воспалением легких. То, что происходило со мною сейчас, было ни на что не похоже. Я чувствовала себя ужасно и едва справлялась со страхом.

Здесь, в салоне первого класса, мир существовал помимо меня; он то возникал, то пропадал, когда я засыпала – или как будто бы парила в полусне в густом тумане.

Передо мной возникло лицо доктора Сабрины.

– Вы меня слышите, Харпер? – спросила она.

– Да. – Я едва различала свой хриплый, слабый голос.

– Ваше заражение становится хуже, это все из-за ноги. Вы меня понимаете?

Я кивнула.

– Я промыла рану, когда вы выбрались из озера, но заражение все равно началось. Я дам вам четыре таблетки ибупрофена и вернусь обсудить, что делать дальше.

Я проглотила таблетки и закрыла глаза. Что делать дальше. Мне стало смешно. Интересно, почему? О, да, потому что у меня рана на ноге. По крайней мере, лучшая часть меня не пострадала.

* * *

У меня по-прежнему все болело, но температура снизилась и в голове прояснилось. Мир вокруг снова начал существовать, а вскоре пришла докторша. Она повернула меня, чтобы лучше рассмотреть мою правую ногу, и спустила джинсы, которые соскользнули с меня, точно пижама.

Я сильно похудела, и это меня обрадовало.

Темно-красная жидкость пропитала белую повязку, которая закрывала ногу от самого колена до щиколотки. Кожа вокруг покраснела и распухла, и мне казалось, что, когда я на нее смотрела, мне сразу становилось хуже.

Тогда, в тонущем самолете, когда Ник резко дернул меня и оторвал то, что впилось мне в ногу, я уже почти ничего не чувствовала, но сейчас мое тело наполняла боль, и мне казалось, что я ощущаю, как жар поднимался по моему телу наверх.

Сабрина долго смотрела на повязку, как будто превратилась в рентгеновский аппарат в человеческом обличье и должна была сохранять неподвижность, чтобы сделать хороший снимок.

– У вас серьезное заражение, причиной которого является рана в икроножной мышце, – глядя мне в глаза, сказала она. – Опасность инфекции возникла в тот момент, когда вас вытащили на берег. Я постаралась промыть и забинтовать

рану, но этого оказалось недостаточно. Сейчас мы должны принять решение.

Мне совсем не понравилось, как это прозвучало.

– Я могу еще раз промыть рану и дальше следить за ее состоянием более внимательно. При обычных обстоятельствах вы бы уже получали антибиотики, но у нас очень ограниченный запас. Поскольку мы имеем доступ к вашей ране, у нас есть шанс справиться с инфекцией без антибиотиков, которые принимаются перорально.

– Понятно, – кивнула я.

– Если инфекция будет продолжать развиваться к заходу солнца, нам придется принять превентивные меры, чтобы она перестала распространяться.

Я кивнула, пытаясь скрыть, что ее слова меня сильно испугали.

– Сейчас я удалю часть мышечной ткани вокруг раны и почищу ее в третий раз, – добавила докторша.

Она долго говорила монотонным голосом, подробно перечисляя осложнения, которые могли возникнуть, время от времени произнося страшные слова «гангрена» и «сепсис». В общем, она сказала, что, если мне в самое ближайшее время не станет лучше, она удалит часть моей ноги. В лучшем случае мой выбор летней одежды будет ограничен, в худшем… меня ждало кое-что пострашнее. Сабрина закончила свою речь заявлением о «полной потере подвижности». Она замолчала и стала ждать, что я отвечу, и мне стало интересно, на что она рассчитывала.

– Ну, писатели не слишком часто выходят из дома. А спортом я не занималась уже много лет, – заговорила я наконец.

«Ты ведь собиралась записаться в тренажерный зал, когда вернешься в цивилизованный мир», – напомнила я себе и вздохнула.

– Я подробно описала ваше состояние, поскольку считаю, что каждый пациент имеет право знать о своей болезни и прогнозах на выздоровление, – стала

объяснять докторша. – А также он должен участвовать в принятии решения, касающегося методов лечения. В настоящий момент ваша ситуация представляется мне уникальной. Ко мне заходил Ник, чтобы обсудить, как развивается ваша болезнь. Он потребовал, чтобы я немедленно дала вам антибиотики. Кроме того, он перечислил определенные… последствия асоциального воздействия ухудшения вашего состояния на него лично и в результате на благополучие всего лагеря.

Я обрадовалась, услышав, что Ник Стоун за меня переживал.

А Сабрина продолжала говорить так, будто произносила заранее заготовленное заявление, которое она отрепетировала несколько раз:

– Я берегу антибиотики для самых тяжелых и срочных случаев. Я действую в соответствии с простым принципом: сохранить жизнь как можно большему количеству людей, максимизировать число тех, кто выжил после катастрофы, к тому моменту, когда прибудет помощь.

Иными словами, лучше десять колченогих пассажиров, чем пять с полным набором конечностей. Она была права, и родственники тех, кто здесь оказался, тоже с нею согласились бы. Вспомнив о родственниках, я подумала, что моя мама наверняка жутко за меня волновалась, не зная, куда я подевалась.

Докторша все говорила и говорила, и я поняла, что она пыталась принять решение.

– Однако, учитывая заявление Ника, я столкнулась с дилеммой: давать ли вам антибиотики сейчас, поскольку, если я этого не сделаю, всему нашему лагерю может угрожать опасность, – призналась она в своих сомнениях.

– Понятно.

И снова мне стало интересно, какого ответа ждала от меня докторша. Она не задала ни одного вопроса, однако торчала около моей ноги, безмолвно пытаясь заставить сказать то, что хотела услышать. Получалось это у нее не слишком хорошо – я имею в виду разговаривать с людьми.

– При обычных обстоятельствах вас поместили бы в стационар и назначили капельницы с антибиотиком. Но у нас есть только таблетки, и, хотя они могут вам помочь, я не уверена на сто процентов, что они дадут нужный результат. Как уже сказала, я бы предпочла оставить их для пациентов с внутренними инфекциями и… если честно, в ситуациях, когда они смогут продлить им жизнь. Для тех, у кого небольшая масса тела и кому антибиотики, вне всякого сомнения, принесут больше пользы.

Небольшая масса тела.

– Детям, – догадалась я.

– Совершенно верно.

Наконец я поняла, чего Сабрина от меня добивалась. Она хотела, чтобы я приняла решение, а потом помогла ей уладить все с Ником.

На кону стояли моя конечность и чужие жизни, вне зависимости от того, кто получит антибиотики. Я спросила себя, с каким решением смогла бы жить дальше, но все было гораздо сложнее. Однако ведь в противном случае я просто умру. Значит, мне предстояло пройти испытание. Принять решение, с которым я не сумею жить дальше, и спасти себя или выбрать правильное, но подвергнуть свое существование риску.

Докторша смотрела на меня и ждала ответа.

У меня миллион недостатков, но, если бы вы спросили моих друзей, какой из них главный, они бы дружно ответили одно и то же: неумение принимать решения. Особенно касающиеся моего собственного благополучия. Решения о моей карьере, в любовных делах, о том, где жить и где работать… Когда дело доходит до моего будущего, я постоянно терплю поражения. Правда, я, по крайней мере, в состоянии выбрать себе одежду и место, где поесть. Порой, когда судьба бросает мне вызов, я считаю правильным напомнить себе о своих положительных качествах.

Обычно моей первой инстинктивной реакцией бывает паника, и страх из-за того, что она возникла, такой сильный, что я чуть не теряю сознание. Ведь не произошло ничего особенного. Мои слова должны были определить, лишусь я

жизни и/или ноги, или это произойдет с каким-нибудь милым ребенком, сидевшим неподалеку от меня. Но часы отсчитывали секунды, а паника так и не появилась. Вместо нее у меня созрел ясный, уверенный ответ, наполнивший меня задумчивым спокойствием. Я не испытывала никаких сомнений или мучительных колебаний, что само по себе показалось мне удивительным; но я решила, что подумаю об этом позже, когда неврастеничка-докторша не будет торчать около моей гниющей ноги. Впрочем, она производила впечатление вполне компетентного специалиста.

– Я согласна с вами, Сабрина, – ответила я. – Другим людям антибиотики нужны больше. Когда Ник вернется, я скажу ему, что вы мне предложили, но я отказалась.

– Спасибо.

Докторша выдохнула и села, прислонившись спиной к переборке. Я увидела, что она находится на пределе своих возможностей и что этот разговор дался ей очень тяжело.

В тот момент единственное, что мне хотелось знать наверняка, это насколько она разбирается в своем деле и как часто ей приходилось встречать таких, как я, пациентов. Я мечтала услышать, что она вылечила примерно сотню подобных мне.

– Какая у вас специализация, Сабрина? – сделав глубокий вдох, спросила я.

Она явно колебалась, прежде чем дать ответ.

– Вам приходилось иметь дело с большим количеством заражений? – продолжила я расспросы. – Или с травмами? Вы лечили такие, как у меня, раны?

– Ну, не каждый день…

– Хорошо. Тогда что вы делаете каждый день?

– Я работаю в лаборатории.

«Проклятье!» – подумала я.

– Но я имею солидный опыт в области травматологии, который получила во время обучения на медицинском факультете университета, – добавила медичка.

Проклятье, проклятье, вдвойне, втройне, вчетверне проклятье! Знаете, что осталось в моей памяти после университета? Очень, очень мало. Я кивнула с таким видом, будто она только что сообщила мне прогноз погоды на сегодня, и попыталась убедить себя в том, что Сабрина Как-Ее-Там-Дальше является хирургом-травматологом номер один в нашем импровизированном больничном крыле и представляет собой лучшего доктора, имеющегося у нас в наличии на данный момент. Я должна была чувствовать уверенность в ее умениях и знаниях.

А доктор тем временем начала снимать белый пластырь, который удерживал край моей повязки.

– Вы готовы?

Что я могла ей ответить? Ведь она работала в лаборатории.

Удивительно, как сильно выматывает боль. Сабрина сказала, что я должна периодически двигаться, чтобы кровь не застаивалась, но я просто не могла пошевелиться.

На самом деле я начала сомневаться, что вообще останусь в живых и сумею вернуться домой.

Глава 13

Харпер

Я проснулась ближе к вечеру, мокрая как мышь. Все тело у меня отчаянно болело, но я знала, что должна двигаться, чтобы заставить кровь циркулировать, и решила, что смогу сделать круг по салону. Или по больнице…

во что там превратился салон на данный момент… Я заставила себя встать, несколько мгновений пыталась балансировать, проверяя больную ногу, а потом двинулась по тускло освещенному проходу. На всех креслах лежали пассажиры: кто-то спал, другие находились без сознания. Несколько человек проследили за мной взглядами, но по большей части вокруг царила тишина, и никто не шевелился. У меня возникло пугающее ощущение, совсем как после катастрофы.

Через десять шагов меня оставили силы, и мне пришлось прислониться к одному из сидений в бизнес-классе. Задыхаясь, я вытерла пот со лба.

Мальчик, сидевший справа от меня, медленно открыл глаза, и я поняла, что уже видела его раньше. Он был последним из детей, которых мы с Майком вытащили из тонущего самолета. Чернокожий, лет одиннадцати, в пропитавшейся потом одежде, он стоял на пороге смерти. Но не это, а выражение его глаз заставило меня похолодеть.

– Вы тут с чем? – спросил он и попытался улыбнуться, но у него не получилось.

– Рана на ноге. А что с тобой? – поинтересовалась я.

– Пневмония. – Ребенок закашлялся, прикрыв рот рукой и без сил опустив голову.

Мы несколько мгновений ничего не говорили, и тут подошла Сабрина, которая наклонилась над юным пациентом и протянула ему овальную таблетку и бутылку воды – вне всякого сомнения, из озера, только кипяченую.

– Это антибиотик, – прошептала она. – Давай, прими, быстро!

Мальчик проглотил лекарство, и мы с врачом встретились глазами. Я медленно кивнула ей, спрашивая себя, поймет ли она, что я имела в виду. Она кивнула в ответ.

Последние антибиотики, возможно, могли спасти жизнь этого мальчика и, может быть, кого-то еще. Я и раньше знала, что поступаю правильно, но теперь была совершенно уверена, что приняла верное решение.

– Вы из Британии? – спросил меня мальчик.

– Да.

– Мне нравится ваш акцент.

– А мне – твой. – Он был американцем, судя по всему, с севера. – Ты откуда?

– Из Бруклина.

– Я бы хотела жить в Бруклине.

– Шутите, да?

– Нисколько. Бруклин – отличное место для писателей.

– Вы писательница?

– Именно.

– Это что-то вроде журналиста?

– Я сначала была журналисткой, а теперь пишу книги.

– Какие?

– Автобиографии.

– Вам нравится?

– Сначала нравилось…

Мальчик снова сильно закашлялся, а когда приступ прошел, закрыл глаза. Я уже решила, что больной засыпает, но он вдруг спросил:

– Вы знаменитая писательница?

– Нет. Но я беру интервью у знаменитых людей. Я пишу книгу, а потом ее печатают под их именами.

– Как будто они написали?

– Угу.

– Это отвратительно!

Одиннадцатилетний мальчик очень точно и всего в двух словах дал определение моей карьеры. Но мой ответ был ответом взрослого рационального существа:

– Работа не хуже других.

– А вы не думали заняться чем-нибудь другим?

– Я занималась, в последнее время.

– Моя мама много читает. Особенно биографии. Она говорит, что это помогает в работе.

– Да? И чем занимается твоя мама?

– Она юрист. Мы с нею вместе летели на этом самолете. Только я не могу ее отыскать. Очень много людей так и не нашлось после катастрофы.

Я кивнула, хотя и знала, что он меня не видит. Мне никак не удавалось придумать, что сказать. Я вспомнила мгновение за несколько секунд до того, как я увидела этого мальчишку – тогда я прикоснулась к холодной коже сидевшей рядом с ним женщины, а потом потянулась к его шее, почувствовала тепло и быстро отстегнула его ремень безопасности. Да благословит Бог того, кто сказал ему, что еще не все пассажиры, спасшиеся во время крушения, нашлись!

– Знаешь, я уверена, она невероятно гордится тем, что ты такой храбрый, – заверила я ребенка.

Он ничего не ответил, и я уже собралась встать, когда он снова заговорил:

– Я Нейт.

– А я Харпер. Тебе нужно отдохнуть, Нейт.

Мальчик провалился в сон еще раньше, чем я договорила. Неожиданно я поняла, что и сама так смертельно устала, что даже не смогла встать.

* * *

Я проснулась от стука дождя по обшивке самолета, такого громкого, будто это были не капли, а огромные градины.

Лихорадка вернулась и стала еще сильнее, чем прежде.

Нейт проспал всю бурю, неловко повернув голову набок – так, что я даже испугалась.

С трудом поднявшись на ноги, я протянула руку через проход, и мои пальцы коснулись невероятно горячей кожи. Мальчику тоже стало хуже.

Я оглянулась по сторонам в поисках Сабрины, но ее нигде не было видно. Тогда, еле переставляя ноги, я побрела в первый класс, но там ее тоже не оказалось. Я рухнула на свое место, и волна горячей боли наполнила мое тело. Где же доктор? Я решила отдохнуть минутку и потом отправиться на ее поиски.

Сквозь овальные иллюминаторы внутрь пробивался тусклый свет, и я не знала, наступила ли уже ночь или на улице просто было темно. Даже в хорошую погоду густые кроны деревьев не пропускали лучей солнца.

Я сидела и слушала стук дождя, который становился все сильнее и громче, словно мы оказались в набиравшем скорость поезде. Вскоре к нему присоединился ветер, и его жуткий вой перекрыл шум дождя. У меня возникло ощущение, будто я попала в аэродинамическую трубу, а снаружи бушует страшный ураган с градом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/dzhon-riddl/era-titanov/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Мексиканская по происхождению полая игрушка довольно крупных размеров, изготовленная из папье-маше или легкой оберточной бумаги, с орнаментом и украшениями. Своей формой воспроизводит фигурки животных или геометрические фигуры, которые наполняются различными угощениями или сюрпризами для детей.

2

«Everything Everywhere», британский сотовый оператор.

3

Название американского профессионального футбольного клуба (американский футбол).

4

Название американского профессионального баскетбольного клуба.

5

Название английского профессионального футбольного клуба.

6

Американская военно-промышленная компания, работающая в области электроники и информационных технологий, авиакосмической отрасли и судостроения.

7

Форт-Нокс – военная база США в штате Кентукки, известная тем, что на ее территории расположено существующее с 1936 г. хранилище золотых запасов США.

Купить: https://tellnovel.com/ru/a-dzh-riddl/era-titanov-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить